

СКАЗ
АНИЯ

ПО ПРАВУ
КУПАЛЬСКОЙ НОЧИ

Сказ Ания

По праву купальской ночи

Серия «Выльские легенды», книга 1

<https://litres.ru/73857219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три духа вышли на охоту за моим первым поцелуем!

Для современного человека это звучит как сказка. Я тоже так думала, пока не услышала подобное от собственной бабушки, возомнившей себя потомственной ведьмой с примесью русальей крови.

Смешно перестало быть, когда после этих разговоров, я очнулась в теле своей прапрабабки и стала трофейным призом для настоящих духов.

Один предлагает защиту и страсть, другой — сладкую свободу. Но оба хотят дар — мой первый поцелуй, чтобы открыть врата для древнего зла.

Два мира духов смешались под властью тёмного бога. Чтобы закрепиться в Яви, нужен якорь — человек, чья душа своя по обе стороны. Эта роль досталась мне, поставив под угрозу само существование моего рода.

Единственный шанс вернуться — странный человек Велимир из ковена «Тени Яви». Он знает правила: не доверяй духам, не поддавайся чувствам.

Вот только в магию я не верю.

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Ил в речной воде	20
Глава 2 По праву купальской ночи	30
Глава 3 Бал у водяного	49
Глава 4 Земляничная граница	68
Глава 5 К лесу задом, к ре	88
Глава 6 Песнь гиблого сада	113
Глава 7 Первая потеря	130
Глава 8 Вечный страж	147
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Сказ Ания

По праву купальской ночи

Пролог

Солнце палило нещадно, острыми лучами прожигая тёмную ткань мундира. В раскалённом, плавающем воздухе слышался шмелиный гул. Рой слепней осаждал сонно плетущегося коня. Досталось и всаднику. Одним резким движением он прихлопнул надоедливое насекомое, растирая шею в месте укуса.

На судьбу Владимир не жаловался, сам выбрал свой путь — плестись верхом в разгар полуденного зноя.

Расстояние от унылого городка Веждина до богом забытой деревни Виль оказалось гораздо больше, чем представлялось в мыслях. Однако воспользоваться казённой каретой означало бы для Владимира, что он сдался и согласился с несправедливой ссылкой в Усть-Сысольский уезд.

Нет, скандальная история с нечистью, хозяйничавшей в известном генеральском доме, конечно, имела место, и увлечение молодого дворянина мистификациями тоже не было секретом для общества.

Однако всё это ещё не делает Владимира виноватым в том, что стуки, шум и шёпот, еженощно тревожащие по-

кой уважаемого человека, оказались всего лишь проделками африканского какаду, подаренного генералу персидским послом.

Птица не пришлась ко двору, супруга генерала страдала сильной аллергией. Попугая решили сдать в цирк. А сердобольный Пантелеймон, генеральский камердинер, пожалел животное, устроив ему жилище на чердаке.

От стресса птица плохо спала и каждую ночь неведомым образом выбираясь из клетки, роняла старые книги и гнутые подсвечники, хрипло бормоча и выводя такие рулады, от которых стылые мурашки шли даже у бывшего вояки.

Узнав об этом, Владимир вызвался помочь. Бойкая генеральша, заручившись обещанием сведущего юноши, растрезвонила всем и каждому, что в их доме состоится самое настоящее изгнание злого духа. На тайный обряд собрался весь столичный цвет, исключая разве что самого императора.

Какого же было разочарование публики, когда вместо корчащегося в агонии беса из недр чердака вылетел дрожащий комок белых перьев и, окропив присутствующих едкой смесью страха и некачественного корма, выпорхнул в окно, потерявшись среди крыш.

После такого скандалу генеральша слегла в горячке. Пантелеймона ждали розги, а Владимира начальство сослало с глаз долой, разбираться с деревенскими суевериями.

— Поезжайте, голубчик, разузнайте, что там за огненные шары летают, люд пугают. Это, так сказать, по вашей ча-

сти. — Елейно посмеиваясь, губернатор через стол, протянул Владимиру документы, с корявыми жалобами писанными губернским секретарём со слов очевидцев.

Невежды и лизоблюды, — Владимир раздражённо выпрямился в седле.

Снисходительное пренебрежение набило порядочную оскомину в душе мужчины. Утешало лишь то, что никто из этих светских болванов даже не догадывался об истинных способностях чиновника особых поручений и уж тем более представить себе не мог обедневшего дворянина, в рядах древнего тайного ковена, многие века, охраняющего явный мир от потусторонних сил.

О летающих огнях Владимир никогда не слышал и от порученного дела никакого таинства не ждал. Если уж генерал не способен отличить птичьи крики от паранормальной активности, что тут говорить о необразованных крестьянах.

Внимание молодого человека привлекли странные проплешины, темнеющие среди сочных стеблей колосющейся ржи.

Издали они походили на дыры в изъеденной молью рубахе. Владимир спешил, осторожно прошёл в центр одного из кругов, вблизи напоминающего гигантское кострище. Земля тут была мягкая, чёрная. Колосья грубо обломаны. На тех, что остались лежать, виднелись недавние подпалины. Подняв ближайший ржаной стебель, Владимир принюхался — гарь и... ладан?

Растёр обугленный колосок меж пальцев. Тревожное чувство чего-то опасного нехорошей волной нахлынуло на молодого человека. Стопы горели, буквально приказывая бежать отсюда подальше. Желательно обратно в столицу.

Владимир был не из тех, кто сдавался при первых же трудностях, а потому поспешил сесть на коня и продолжил путь. На пригорке оглянулся. Тёмные пятна кругов хаотичной вереницей уходили к лесу. И чем ближе была граница елей, тем меньше они становились.

В деревню въехал уже с закатом.

Загадочная Виль оказалась очень даже живописной. С десятков бревенчатых домов рассыпались вокруг церквушки по берегу извилистой реки. Золотые купола дрожали на водной глади, отражавшей собравшихся на поляне людей.

Разновозрастная толпа препиралась и улюлюкала, тесня в круг сухопарую пожилую женщину.

Пить с дороги хотелось нещадно, в сухом горле не осталось даже слюны, чтобы сглотнуть. Владимир собрал волю в кулак и, с трудом оторвав жадный взгляд от искрящейся прохладной воды, прищипорил коня, направляясь в самую гущу событий.

Спешиваться не стал, неожиданное и опасное препятствие в виде лошади лучше всего умиряет разгневанное собрание.

Надо отдать должное крестьянам, народ и сам выглядел довольно устрашающе. Против одной несчастной женщины

ополчилась целая группа односельчан с подручным оружием разной степени тяжести. Мужики держали наготове топоры и вилы, бабы грозно потрясали ухватами и серпами, загоняя жертву в круговую ловушку. На ближайших плетнях сидели босоногие дети и со смехом показывали пальцами на прижатую со всех сторон женщину.

— Что здесь происходит? — командирским тоном спросил Владимир, рысью прорываясь в круг. Недавние мысли о начальственном подхалимстве и несправедливой ссылке придали голосу Владимира особую властную строгость.

Крестьяне споро расступились, прикладывая тыльную сторону ладони ко лбу, в попытке рассмотреть всадника.

— Так, ведьму гоним, барин. — Подал голос крупный мужик, державший молот в аршинных руках, от кисти и до локтя покрытых жёсткими завитками волос.

— Она тут бесовское колдовство напустила, чуть всю деревню не сожгла. — Поддакнула оплывшая баба в яркой узорной косынке.

— Надо её к лошадиному крупу привязать, да в поле пустить. А избу спалить! — с энтузиазмом выкрикнула её соседка.

Слова второй сельчанки отозвались одобрительными возгласами в толпе.

— Откуда знаете, что эта женщина, ведьма? — Владимир взглянул на обвиняемую. Она смиренно стояла, сложив сухие жилистые руки перед собой и не предпринимая попыток за-

щититься. Взгляд зелёных, не по возрасту ярких и чистых глаз застыл в одной точке. От её позы и простой льняной одежды, шла терпкая, горьковатая аура печали и потаённых знаний, накопленных годами.

Причастность селянки к глубинным материям выдавал лишь плетёный верёвочный пояс со множеством маленьких самодельных оберегов. Распознать тайный смысл в привычных узорах, деревянном солнышке, перевёрнутых буквах и веточках дуба мог разве что посвящённый.

— Так как же барин, она к отцу Фаисию на причастие уж год как не ходила, всё сидит в избе, траву сушёную по углам распахивает, сам видел. — Низенький мужичок, сверкая проплешиной на голове, с чувством, перекрестился.

— И в Веждин на ярмарку, как все честные люди, тоже не ходит, всё сиротку посылала. — Выпалаила остроносая молодая крестьянка с лентой в косе, но тут же осеклась под взглядом пожилого мужчины, стоявшим ровно впереди неё.

Крестьянин нахмурил седые кустистые брови и серьёзно глянул на Владимира. — Не серчай барин, но ты кто таков будешь? По платью и говору, не местный.

Владимир приосанил и без того ровную как палка спину и с достоинством произнёс:

— Чиновник особых поручений Владимир Андреевич Сновидский. Прибыл из Петербурга с важным заданием, разобраться, что у вас тут происходит.

Повисла давящая тишина, с минуту жители деревни пе-

реваривали информацию, затем мужики все как один заложили шапки и согнули спины в низком поклоне. Бабы тоже нагнулись почти до земли, подметая косами клевер.

Владимиру стало неловко. Ему всегда было не по себе, когда принятые сословные рамки и различия становились слишком явными.

Женщина, обвиняемая в колдовстве, осталась стоять. Уголок её тонких губ дёрнулся в едва заметной усмешке.

— Не лез бы ты в это, Велимир, али сам верховный послал наказать меня?

Мысленный зов, раскалённой иглой пронзил висок Владимира. Он пошатнулся в седле, но удержался.

В ковене «теней Яви» Владимир состоял не первый год, но никогда ещё не встречал других адептов, тем более среди крестьян.

Ковен занимался тем, что охранял простых людей от пагубного влияния потусторонних сил, коих в человеческий мир из мира тёмного лезло превеликое множество. У каждого одарённого адепта был личный наставник, как временами подозревал Владимир, совсем не человеческого происхождения, который давал своему подопечному знания, учил определять, понимать, отслеживать, а главное, — уничтожать всякую нежить.

Собственного наставника Владимир встретил случайно, на одном из столичных балов. Желтоглазый господин крайне выделялся в толпе, но замечал это только Владимир.

Так и выяснилось, что у Сновидского младшего есть особый дар, который надо развивать и применять на благо рода человеческого. Тогда же духи обратного мира дали ему особое теневое имя, понятное лишь для них. Называть его никому не полагалось, так откуда местная знахарка могла узнать?

— Я хочу поговорить с этой женщиной наедине. — Повелел Владимир, слезая с коня. — А вы все расходитесь домой.

— Ну как же, барин, — взмолился плечистый с молотом в руках, — нельзя вам с ней двоим идти, она вас обманет и изведёт.

Владимир едва сдержался, чтобы не закатить глаза. В самом диком сне он не мог представить, чем способна навредить хрупкая пожилая женщина взрослому мужчине, равно как и она сведущему в вопросах определённого рода.

Рука молодого человека машинально поправила ворот мундира, под которым на шее болтался лисий клык, оправленный в железо. Его личный страж и защитник.

— Вы не знаете о её коварстве, барин, она поле с рожью подожгла. — Доверительно шепнул рябой крестьянин с вилами.

— А вчера прошла мимо нашего двора, так свиньи все враз издохли. — Поддержала его жена, цеплявшаяся за мужнин локоть.

Её слова будто выбили пробку из бутылки с шампанским. Выльцы наперебой сыпали прегрешениями односельчанки.

У кого рябина во дворе засохла, у кого бельё пропало, у

кого дети заболели яблочка её отведавши. А в Веждине, где она роды у купчихи принимала, в доме нашли собаку с пупом человеческим и всё это видели, и всё это знают.

И как только один человек успевает столько напакостить, её бы прыть, да нашим чиновникам в Петербург. — От абсурдного гомона у Владимира заломило в висках.

— Тихо! Расходитесь по домам, я сам поговорю с вашей ведьмой.

— Вы у неё дознайтесь, барин, куда она Акулину дела? — крикнули из бойкой стайки молодых девушек. — Сиротка была, заступиться за неё некому!

Ведьма потупила глаза, сокрушённо качая головой.

В груди у Владимира завозилося крайне неприятное предчувствие.

— Веди к дому. — Сухо бросил он женщине.

Старуха молча развернулась и с гордо поднятой головой прошествовала мимо роптавших односельчан к избе, чья покосившаяся крыша виднелась среди еловых веток на самой кромке леса.

Владимир отправился следом, ведя коня под уздцы.

За ними потянулось несколько любопытных мальчишек.

— Могла бы спасибо сказать. — Владимиру хотелось начать разговор о главном, но вокруг нет-нет да и мелькали подозрительные взгляды и слышалось неодобрительное хмыканье.

— За что это? — деловито осведомилась женщина, сво-

рачивая в неухоженный двор, где среди травы и старых яблонь гуляли пеструшки. — Я тебя лезть не просила, а люди, что они, случись хворь какая али помощь нужна, твой дар в почёте, а когда беда, так ты первая, виноватая. Мне не при-
выкать.

Владимиру показалось, что скрюченные яблони перед домом, очень похожи на девушек, застывших в неестественных позах, поклоняясь чему-то неведомому, моля о милости.

Он вздрогнул и поспешил привязать коня к одной из них. Тот принялся безмятежно пожёвывать ближайшие плоды, пестревшие красными бочками.

— Как хоть тебя зовут?

— Улита, барин. — Женщина зажгла фитиль, плававший в блюде с маслом, и принялась хлопотать у печки. Она подала гостю ковш, полный чистой ключевой воды.

Видимо, и это его скрытое желание не укрылось от хозяйки дома.

Владимир принялся, из ковша пахло дикой сладковатой свежестью, никакого вмешательства. Клык на шее тоже молчал.

Утолив жажду, Владимир подёргал ручку, убедившись, что дверь плотно заперта. Прошёлся взглядом по двум слюдяным окошкам и лишь тогда приступил к главному:

— Так откуда Улита знает моё тайное имя?

— А что ж тут не знать, от тебя тенью за версту пахнет. Почти как от верховного.

Улита резко повернулась, подозрительно глядя на гостя, отблески пламени зловеще играли на её иссохшем лице, хищно заостря его черты.

— Одно не пойму, коль наказать тебя прислали, зачем речи ведёшь? Делай дело и уезжай. Я провинилась и ответ держать готова.

Владимир устало потёр переносицу. Он терпеть не мог, когда говорили загадками.

— У вас тут чертовщина какая-то происходит, слух до столицы дошёл, шары летают, огнём, скот и избы жгут. Меня прислали разобраться, и это не верховный. «Тени Яви» бабскими суевериями не занимаются.

Улита хмыкнула, головой покачала.

— Не доверяет тебе Векша, молод ты ещё, значит, сам по мою душу явится. Не уберегла я девицу, унесли её прислужники Чернооковы.

Векша — в миру Афанасий Петрович происходил из потомственного профессорского рода, среди которого отметились достаточно именитые деятели науки. И никто в здравом уме не был способен распознать в маленьком седовласом старичке, прилежном семьянине и набожном христианине, грозного главу тайного магического ковена.

Владимир тоже не был, пока однажды Афанасий Петрович не явился на лекцию в сопровождении домового, мирно спавшего на его плече. Кроме, Владимира никто эту диковинную лохматую живность не замечал.

Владимир тогда упал в обморок, а профессор пояснил:

— Скучно ему одному на казённой квартире, вот и таскается за хозяином. Сказать по чести, его даже бывалые ведуны не всегда узреть могут, а ты вон как слёту ухватил.

После этого Велимир получил личное приглашение в узкий круг приближённых верховного ковена.

— Как унесли? — вернувшись из воспоминаний, Владимир тяжело осел на лавку. — Хочешь сказать, что это не слухи и действительно кто-то пропал?

— Не кто-то, а конкретная девушка. Не уберегла я, недоглядела. Гребень-то она взяла, а главный оберег оставила.

Улита протянула Владимиру серьги, большие, круглые, внутри каждой горело по чеканному солнышку.

— А огненные шары?

— Как миры смешались, так и лезут окаянные из Нави. — Серdito сказала хозяйка дома. — Акулина, последний якорь здесь была.

Едва пальцы Владимира коснулись холодного металла, как по телу прошёл электрический разряд.

Перед глазами полыхнуло, и сквозь шум белых молний проступил девичий стан. Лицо милое, сердечком, две толстенные тёмные косы падали ниже груди. На голове венок из полевых цветов. Огромные глаза смотрели настороженно, на пухлых губах блуждала улыбка. Изображение подёрнулось и раскололось надвое. Лик красавицы исчез.

Владимир вздрогнул и отдёргнул руку. На лбу выступили

холодные капельки пота, а перед глазами так и осталось приветливое юное лицо, которого хотелось коснуться.

— Что? Пробирает? — с пониманием усмехнулась Улита.
— Это потому что наша она, такая же душа у неё, и там, и тут обитает. Вот и взяла её подкидыша, на воспитание.

Резкий стук сотряс стену позади Владимира, слюдяное окошко окропили брызги и кусочки навоза. На улице беспокойно заржал конь.

Владимир метнулся к двери. Двое мальчишек с хохотом удирали прочь.

Улита и бровью не повела.

— Я найду Акулину. — Владимир сгрёб с грубого стола серьги.

— Зубы обломаешь. — Улита протянула руку ладонью вверх, ожидая пока ей вернут украшения.

Но Владимир упрямо покачал головой. Он видел отражение девушки в памяти вещей всего несколько секунд, но от чего-то был уверен, что не сможет спокойно ходить по земле, если сам не отыщет её и не вернёт.

Это всё потому, что она сирота, и заступиться за неё больше никому. — Сам себе пояснил Владимир свой странный порыв.

— Ты пропадёшь, а люди меня со свету сживут, а Векша им ещё и поможет.

— Веди говорю, где девица пропала, а людям скажи, что невиновна ты, за преступником я пошёл, пеший. Как излов-

лю, вернись за конём и пропажу приведу.

Улита вздохнула, загремела глиняными крынками.

— Ты ж пустой пришёл совсем, возьми вот: соли мешочек, ножик железный, полынь сушёную, уголёк из печки, золы щепотку. Знаешь ведь, что с этим делать.

Она заботливо складывала мешочки и свёрточки в расстеленный на столе платок.

— Пшено и хлеб не забудь. Духи это дело уважают.

Владимир с благодарностью принял круглый узелок. — Так куда мне идти?

— Знамо дело, к воде, на запруду. А там тебе сердце подскажет.

Когда Владимир вышел от Улиты, на улице стояла глубокая ночь. Возле реки его тут же облепили комары.

Ворча и чертыхаясь, Владимир пробирался через камыш, прислушиваясь к образам, идущим от зажатых в кулаке серёжек. Впереди замаячили старые мостки. Идеальное место для обряда погружения.

К вящему неудовольствию Владимира погружение состоялось, раньше, чем он ожидал. Ноги провалились в ледяную противную жижу. Она затекла в сапоги, заставив мужчину брезгливо поморщиться.

Преодолевая отвращение, Владимир забрался на отсыревшие доски, достал из узелка уголь, начертал круг, расставил символы и знаки.

Сам устроился в центре, рядом положил серёжки. Настро-

ился.

В ночной тиши стрекотали кузнечики, мерно плескалась речная вода: Влади – мир, Влади – мир. Будто кто из детства, кликал его по имени.

Занёс железный ножик и с силой воткнул промеж досок.

Глава 1 Ил в речной воде

— Ба, почему, когда приезжаешь к тебе, вечно снится какая-то муть? — я раздражённо протопала по скрипучим, растрескавшимся ступеням на первый этаж.

В лицо пахло запахом берёзовых дров, тлевших в печи, мёдом и ещё чем-то сладким, едва уловимым.

— А это потому, моя красавица, что вы из города все засорённые приезжаете, а тут воздух свежий, настоящий. А ещё я тебе под перину чертополох да василёк положила, они всю ерунду в голове как ил речной поднимают и выпроваживают. На третий день будешь спать как младенец. — Плотная женщина в белой косынке, повязанной назад, суежилась на кухне.

Хотя назвать кухней двухметровый закуток с парой покосившихся шкафчиков, мало у кого повернётся язык.

Из бытовых благ современной цивилизации бабушка признавала только электрический чайник и стиральную машину.

Первый, потому что очень любила чай, пила его много и часто, с лета заготавливая к нему множество разных вкусных и необычных травяных добавок.

А вторую, потому что с возрастом стирать руками становилось всё тяжелее.

Помнится, несколько лет назад мы с мамой дружно убеждали бабулю провести интернет, чтобы можно было чаще общаться. Но сколько ни бились, уговорить пожилую женщину обзавестись связью, равно как и переехать в город, не удалось. Покидать обжитую берлогу старушка наотрез отказалась, каждый раз упрямо заявляя, что здесь её корни и никуда она отсюда не уйдёт.

— Так что тебе снилось? — бабушка оперлась на мой детский расшатанный стульчик, служивший ей ступенькой на пути к гирляндам трав, висящих под потолком. Выглядел этот смертельный номер в её исполнении поистине ужасающе.

— Бессмыслица какая-то, так и не упомянуть. Давай помогу. — Я ловко подменила бабушку, на опасно пошатнувшемся стуле.

За моей спиной послышался звук льющейся воды, щёлкнула кнопка чайника.

— О, вспомнила! Мне снилась вода. Будто я рыбой плаваю по дну и собираю жемчуг, а он не белый, а красный и синий. Набрала, хочу выплыть, а не могу, река наверху горит. Представляешь?

С моих губ сорвался ироничный смешок.

— Чай твой любимый заварим? С чабрецом и мятой? — мой бодрый голос растворился в молчании.

Старушка тяжело вздохнула. — Купала завтра, а вода тут близко, это духи тебя почуяли, в гости зовут. Вот если бы ты, учиться у меня стала, сны твои никто бы не тревожил.

— Даже не начинай, сто раз слышала эти сказки. — Отщипнув от нитки несколько сухих травяных веточек, я спустилась, с удовольствием принюхиваясь к запаху свежей каши.

Особому, из печи.

Несмотря на все бытовые неудобства, странные разговоры и отсутствие связи, я любила проводить каникулы и отпуска в деревне, именно из-за таких вот умопомрачительных ароматов.

Печь в этом доме была чем-то вроде любимого питомца, поспорить с авторитетом которой мог разве что толстый серый кот Антипка и то сомнительно.

Свою красавицу-печурку бабушка ласково называла кормилицей-матушкой, не уставая ежедневно растапливать, чистить и мыть.

— Сказка, ложь, да в ней намёк. — На столе передо мной возник пузатый глиняный горшок, доверху наполненный зо-

лотисто-молочной, рассыпчатой пшёнкой.

Я тут же запустила ложку в самую гущу, стараясь отгородиться от очередных бабушкиных фантазий по поводу нашей семьи в целом и конкретно моего предназначения в частности.

Но бабуля уже оседлала своего любимого конька:

— Вот по зиме помню, сугробы выше крыши намело, дорог не видать. Сноха у соседки захворала, так я болезной отвар из лихоманника с мятой отнесла, она и выздоровела. А вот поставь тебя в такую ситуацию, что делать будешь? Привыкли по аптекам шастать. А сила настоящая, мудрая, вот она вокруг, бери, пользуйся, а ты всё нос воротишь.

Звонкий стук в стекло, заставил нас вздрогнуть и обернуться.

Дело в том, что Алевтину Петровну или бабу Алё в деревне все знали как мудрую травницу, понимающую природу и умеющую точно почесть судьбу по древним поверьям и приметам.

За добрый совет в основном платили едой и вещами. Лишь однажды за свои труды бабушка получила весьма экзотическое, я бы даже сказала зоологическое вознаграждение.

Тётя Рая, которая сейчас робко стучалась в окно нашего

дома, в порыве благодарности принесла ей того самого Антипку. Кот, конечно, в восторге не был, но согласился стать членом нашей маленькой сумасшедшей семейки, где через поколение передаётся некий волшебный дар, по семейному преданию унаследованный от русалок.

Маму сия чаша миновала, и отдуваться приходилось мне. Стоило только показаться в деревне, как бабушка тут же примеряла на себя учительскую роль и с упрямством старого мула принималась прочёсывать мне мозг: о безответственности молодёжи, о внуках, эгоистках, о важности продолжать семейное дело и тому подобной чепухе.

То, что, сама я никаких особых сил внутри не ощущала, да и вообще относилась себя к числу крепких скептиков и реалистов, несколько Алевтину Петровну не заботило.

— Адушка, я выйду ненадолго, а ты завтракай и по воду сходи, мне сегодня недосуг. — Бабушка наскоро вытерла руки о передник и выглянула к соседке.

Я тоже не видела смысла расслаживаться, как говорится: окончил работу — гуляй без заботы.

Закинула последнюю ложку каши в рот, подхватила два жестяных ведёрка и вышла под палящее солнце.

Узкая тропка вела через широкое озеро прямо к колодцу. Жара стояла такая, что я готова была залпом осушить весь

живописный водоём, вместе с водорослями и влажной корягой зажевать.

Но свои желания я оставила при себе собираясь, если, не попить, то, по крайней мере, искупаться.

Отыскав самый заросший спуск, я торопливо разделась.

За высокой травой меня не было видно, но чувство пристального, прицельного внимания не оставляло в покое. Я напряжённо повела плечами.

— Не превращайся в свою бабушку. — буркнула я себе под нос. — И надо было ей именно перед выходом ляпнуть мне про духов. От её рассказов только воображение разыгралось. — Мыском я осторожно потрогала воду.

Как парное молоко!

Вдохнув, наконец, совершила нырок, устремляясь вперёд по широкой озёрной глади. Вода приветливо расступалась передо мной, заигрывая с кончиками длинных волос. В детстве озеро казалось мне лесным морем, с далёкой кромкой берега на горизонте. Но это никогда меня не страшило. Я всегда отлично плавала, в отличие от многих девчонок.

А вот с местными мальчишками мы не раз устраивали настоящие состязания, соревнуясь, кто дальше и быстрее проплывёт.

В один из таких заплывов мы с соседским мальчишкой угодили в настоящий омут и чуть не утонули. Вернее, чуть не

утонул Ваня, меня же вынесло в сторону от оси водоворота, но в последний момент я успела утянуть друга за собой.

Бабушка тогда сказала, что нас спасли русалки, ощутившие во мне свою, родную кровь. А я решила, что мне просто повезло.

Улыбнувшись детским воспоминаниям, я легла на спину, позволив воде ласково оглаживать моё расслабленное тело.

Внезапно на лицо легла тень. Стало неудобно и даже зябко. Я тут же распахнула глаза. Никого и в помине нет. Наверное, тучка набежала на солнце. Невольно поёжилась, собираясь в обратный путь. Родимое пятно обожгло резкой неприятной болью. Пальцы машинально схватились за плечо.

Хлёсткий плюх за спиной заставил меня вздрогнуть и забиться в воде. Холодные капли попали в нос и горло. Кашляя и отплёвываясь, я обернулась — никого. Скорее всего, дикие утки или рыба. Кто же ещё?

Прежде чем снова поплыть, мой настороженный взгляд прошёлся по зарослям камыша, таинственно шуршащим на ветру. Кузнечики, дружно стрекотавшие в глубине, притихли.

Давящее безмолвие напоззло на озеро, застилая живой свет. То ли туча зашла, то ли чья-то тень встала позади. Повернуться я не решилась.

Прибавила ходу, кролем добираясь до берега.

На мелководье что-то липкое и холодное крепко схватило

меня за ногу, не позволяя подняться.

Вскрикнув, я пулей выскочила на траву. Вокруг лодыжки туго обвивалась широкая водоросль. Со стороны деревни ветер донёс призрачный смех.

— Да чтоб тебя! — дрожащими руками я натягивала шорты и майку, прямо на мокрое тело.

— Ада, ты же нормальный человек, с экономическим образованием, без пяти минут молодой специалист! Так какого чёрта ты слушаешь рассказы, после которых среди белого дня мерещится всякая ересь? Водорослей и тучек она испугалась! — не переставая ругать себя, с вёдрами под мышкой, я сердито припустила к дому. Ни о каком колодце даже не вспомнила.

Настроение было безвозвратно испорчено. Где-то на полпути силы и злость начали иссякать. В сени ввалилась, едва волоча ватные ноги.

— Что случилось, Адушка? Дорогу на колодезь забыла? — бабушка штопала чулки, сидя у окна.

— Нет, жара сильная, нехорошо в пути стало, вот решила искупаться думала полегчает, но только хуже стало. — Руками я пыталась прикрыть дрожащие губы.

Бабуля с сомнением глянула на меня поверх очков. Её внимательный взгляд прошёлся по мокрым неровным пятнам на моей одежде, отметил испачканные в траве колени. Затем бабушка встала и куда-то ушла.

Когда она снова появилась в светёлке, с локтя у неё свисал тёплый плед, а в руках лежала потускневшая от времени шкатулка.

— Отдохнуть тебе надо, красавица. — На мои плечи опустилось тёплое покрывало. — Антипка, помоги.

Обернувшись мягкой тканью, я с ногами забралась в старенькое кресло, вновь ощутив себя маленькой девочкой, попавшей под дождь. Словно и не было этих двадцати лет.

Толстый Антипка уютно пристроился на моих коленях, хитро кося мутным зелёным глазом. Будто и он был частью истории, произошедшей на озере, и теперь тихой мурчащей песней успокаивал незадачливую горожанку.

Меж тем бабушка вручила мне настольное зеркальце и открыла шкатулку. В ней оказалась пара красивых металлических серёг с чеканными солнышками в центре.

— Этим серёжкам, почитай, два века будет. — Доверительно сообщила хранительница семейных сокровищ, доставая следом изящный серебряный гребень.

Я послушно примерила реликвию, то так, то, эдак разглядывая себя в зеркале. Увесистые серьги красиво блестели в ушах, оттягивая мочки.

— А гребешок этот, не просто безделушка, сила в нём мощная сокрыта бережная. — Моих волос мягко коснулись прохладные зубья.

— Его нашей прародительнице подарил русалий народ. На ручке и знаки их имеются, полумесяц и три жемчужины.

Рассказывая семейные легенды, бабушка осторожно перебирала мои влажные волосы гребнем, а я под её мерный голос потихоньку начала задрёмывать. Голова клонилась всё ниже, речь звучала всё смазанней. В конце концов мой лоб глухо встретился с зеркальной поверхностью.

Встрепенулась, вырывая себя из объятий дрёмы и тут же потянулась, чтобы как следует ущипнуть собственную руку.

Из зеркала на меня смотрело совсем другое лицо.

Глава 2 По праву купальской ночи

Несколько первых секунд я сидела неподвижно как статуя. Затем очень медленно поднесла руку к лицу и почесала нос. Девушка в зеркале проделала то же самое. Я моргнула. Она тоже.

Сражаясь с истерическим торнадо, постепенно закручивающимся внутри, я вглядывалась в стеклянные синие глаза отражения, в полумраке казавшиеся тёмными и пугающими. Лицо незнакомки застыло каменной маской. Уголки пухлых губ нервно подрагивали от волнения.

Именно так я сейчас выглядела со стороны.

Скрипнула входная дверь и чьи-то чужие, тяжёлые шаги прошли за моей спиной.

Я даже не шелохнулась, корнями, вставая в грубую деревянную лавку.

Клац!

Звук бьющейся посуды донёсся сквозь объёмный шуршащий гул, заполнивший сознание.

Я надышалась бабушкиными травами и сплю. Это просто сон, очень странный и глубокий сон.

В зеркале за моей спиной застыла ещё одна фигура, пожилой женщины.

Незнакомка, не мигая, смотрела сквозь оболочку чужого тела, прямо на меня. Разбитая миска валялась у её ног, окро-

пив истёртые лапти каплями похлёбки.

Я с вызовом глянула в ответ.

Тяжело вздохнув, женщина на мгновение прикрыла ярко-зелёные глаза, слишком живые и светлые для её почтенного возраста.

— Ужин тебе несла. — Тихо сказала она, склонившись за осколками.

Некоторое время я молча взидала на незнакомку сверху вниз, отчаянно щипля себя за запястье.

Это точно сон, по-другому не бывает, как бы только проснуться?

Врождённое чувство благородства в итоге взяло верх над паникой, и я присела рядом, помогая убирать. Как обращаться к странной женщине, я понятия не имела, поэтому работала молча, усердно подметая косами пол.

С детства терпеть не могла такую причёску, а у меня в этом сне, мало того, что они были до пояса, так ещё и две.

Наверняка это кошмарный сон. — Решила я, ссылая черепки в сухие морщинистые руки хозяйки и занимая исходную позицию перед зеркалом в деревянной раме.

Рядом на столе лежали бабушкины серёжки с солнышками и гребень. Я тут же вцепилась в него, как в спасительный якорь, доказывавший, что я ещё не сошла с ума, а действительно вижу всего лишь красочное реалистичное видение, с элементами кошмара, в котором у меня вдруг отросли косы.

Рифлёное серебро приятно холодило кожу, и я, немно-

го успокоившись, по-новому, с интересом взглянула на собственное отражение.

При всей нашей схожести у девушки из зеркала лицо было круглее, нос длиннее, а губы более чувственными. Да и о такой шикарной фигуре я могла только мечтать.

— Коли есть хочешь, в чугунке ещё осталось немного супа. — Хозяйка дома с преувеличенным рвением оттирала от пола пролитую похлёбку. На меня она старалась больше не смотреть.

Есть не хотелось, от волнения желудок скрутило в бараний рог. Но я всё равно послушно встала и отправилась к большой печи.

В отличие от Бабушкиной любимицы, здешняя была пыльная и закопчённая. Да и остальное помещение явно убиралось нечасто и в полсилы. Брёвна местами почернели от времени, в углах покачивались тонкие гамачки паутины. Вместо добротных стёкол в окнах дрожала слюда, ткнёшь пальцем и останется дыра.

Обеденный стол был весь в трещинах и сколах.

Зато лесное разнотравье, заботливо развешанное под потоком, поражало воображение даже у меня, привыкшей к подобным вещам с детства.

Среди сушёных стеблей и веток виднелись крупные бутоны каких-то неведомых цветов и зонтики растений, похожих на укроп. Особенно выделялись ягоды рябины и жёлтые колосья прошлогодней пшеницы.

Гнетущую тишину прорезал тонкий девичий смех. Две продолговатые тени полосками мелькнули в окнах, затем под дверью зазвучал встревоженный голос:

— Акулина, ты здесь? старуха уже уснула?

Женщина гордо выпрямилась, подходя к двери и распахивая её.

Пара совсем молоденьких девчонок в пушистых зелёных венках из полевых цветов, со страхом и удивлением взирали на хозяйку дома.

— Мы за Акулиной. — Наконец, нашлась более рослая девушка с тёмно-синей лентой в русых волосах.

— Не выйдет она. Мы спать ложимся, время позднее.

Девушка подозрительно прищурилась:

— У нас уговор был вместе на костры идти, так что отпусти, иначе мы всё ватагой вызволять пожалуйем.

— Идите, коли не боитесь, а девку не сманивайте. — Пожилая женщина спокойно взидала на молодёжь, сжимая сучковатую ручку метлы.

Вторая девица, менее бойкая, чем её подруга, поднялась на цыпочки, вытягивая шею:

— Ежели Акулина хочет дома остаться, так пусть сама выйдет и скажет.

Я неуверенной походкой двинулась в центр комнаты, тускло освещённой тремя лучинами, вставленными в ржавый светец.

Пожав плечами, хозяйка дома вернулась к своим делам, а

девушки робко переступили порог избы.

Обе оказались рослые. Смотреть на них снизу вверх было крайне непривычно. Хотя возможно всё дно в том, что сама Акулина, в отличие от меня настоящей, была значительно ниже ростом.

— Ну что, голубушка, идём? Мы и на твою долю венки принесли. Знали, что карга козни супротив строить будет. — Доверительным шёпотом сообщила девушка с лентой. — Стеша, дай ей.

— На реке уж всё заревом огненным полнится, — смешливая Стеша, тут же нацепила мне на голову такой же зелёный венец, источавший явственный запах скошенного цветущего луга. — Игральщик твой небось заждался.

Я не удержалась от нервного смеха, вызванного незнакомым забавным словом. Переспрашивать кто такой этот самый «игральщик» побоялась.

— В ночь на Купалу, много нечисти по земле ходит. Чистые души бережит. Несдобровать тому, кто нос из избы покажет. До первых петухов одни веночки и останутся. — Как будто, между прочим, заметила старушка, не переставая, места уже и без того чистый пол.

В сгустившейся тишине я отчётливо расслышала, как громко сглотнула Стеша.

— Тьфу на тебя, старая! — вторая девушка в сердцах перекрестилась. — Сама как люди не живёшь и другим козни строишь. Будто молодой не была!

Хозяйка хмуро наблюдала за нами. На её морщинистом лице плясали ломанные тени.

Лучины в светце ритмично вспыхивали с тихим змеиным шипением, отражаясь жёлтым потусторонним сиянием в глазах женщины.

Старуха будто стала выше ростом, достав седой макушкой до самого потолка. Её скошенная тень легла над нами, полностью заслонив собой.

Она подняла корявый палец с толстым пожелтевшим ногтем, указывая в мою сторону:

— Коль не хочешь беду накликать, помни девка, на реке не гадай, в лес сегодня не ступай, у воды косы не расплетай.

Хриплый голос женщины эхом отдавался от бревенчатых стен, перекрывая треск лучины.

По моей спине побежал самый настоящий мороз. Жутко захотелось съёжиться до размера крохотной мышки и юркнуть под лавку, от греха подальше. Суровая, однако бабуля у этой Акулины. Лишний раз спорить не захочется.

Грозное напутствие отбило всякое желание гулять, даже в компании таинственного игральщика. Но оставаться в помещении с суровой старухой, запугивающей юных девушек, хотелось ещё меньше. Да и стоило ли отказывать себе в веселье, если это всего лишь сон. Яркий, живой, но тем не менее сон.

— Идём, Акулина, будет у нас праздник весёлый. — Неверным голосом пискнула Стеша.

Не сговариваясь, девушки под белы ручки, потащили меня прочь из избы.

— Вы на бабушку не сердитесь, она человек пожилой, суеверный. — Зачем-то ляпнула я притихшим подругам, чувствуя такую вину, будто лично испортила им настроение.

— Чего это ты ведьму по-новому кличешь? — Стеша стрельнула на меня удивлённый взглядом, иронично заломив соболиную бровь. — Скажи, Настасья, сроду такого не было.

— Ты, видно, голубушка захворала, вона и гребешок на кой-то прихватила. — Вторая девушка подбородком указала на гребень, до сих пор зажатый у меня в руке.

Я молча заткнула его за пояс.

— Улита, конечно, дала тебе кров, учит всякому, но бабушкой её называть язык быстрее отсохнет. — Настасья лёгкой козочкой припрыгивала по тропинке вниз, коса её смешно раскачивалась в так движениям.

А я с ужасом поняла, что совершила довольно грубую ошибку. Хозяйка дома была не родственница Акулины. Чтобы не наломать ещё больше дров, решила ничего не говорить в своё оправдание, а устремить всё внимание на окружавшую нас природу.

В мире, где я родилась, уже не встретишь такие ночи, когда случаются чудеса. Прогресс и наука начисто извели их под корень.

Но здесь, во сне, каждая веточка, каждый камушек и ли-

сточек готовились явить волшебство. Сейчас ничто не могло помешать, спугнуть его. Сельчане спали. Лишь изредка вдали сонно таякала собака.

Внизу под сенью деревенских изб, мирно дремавших на пригорке, творилась совсем другая тайная жизнь.

Нарядно искрилась красавица река. По её извилистым берегам яркими бусами пылали купальские костры. Парни и девушки со смехом носились в кругу зажигательного хорова. Их длинные тени тоже пускались в дикий пляс по залитым серебряным светом полянам.

С высокого необъятного купола неба, за резвящейся молодёжью благосклонно наблюдал острый месяц, освещая гуляющим путь аж до самого леса.

Нет, скептиком я быть не перестала, но сейчас от этой ночи ждала чего-то дивного и в то же время настоящего.

— Ну, где вы ходите, тетёхи! — ещё несколько девиц влетели в нашу троицу, едва мы спустились ближе к реке. — Сейчас пары слагаться будут, выбрали уже, кому венок подарите? — без умолку трещала крупная девица с неправильным прикусом.

— А что выбирать, мне Демьян до сих пор люб. — С ходу ответила Стеша.

Даже в тонком лунном сиянии было видно, как покраснели её щёки.

— А я посмотрю ещё. — Гордо тряхнула толстой косой Настасья.

Мы остановились у самого большого костра, где кучковалась молодёжь.

Я отметила, что по диковинному местному обычаю, девушка, желающая испытать судьбу, выходила к реке и вставала в конце цепочки костров. Юноша, искавший расположения этой девушки, вставал с противоположного конца и двигался в её сторону, ловко перепрыгивая через пылающий огонь, пока не добирался до цели. В конце девушка либо надевала ему на голову свой венок в знак симпатии, либо кидала плетёное украшение в реку, показывая тем самым, что будет ждать своего избранника дальше.

Вот и смешливая говорунья Стеша с энтузиазмом ожидала, пока румяный светловолосый Демьян промчится к ней, не подпалив рубахи.

Едва его сапоги коснулись травы, Стеша ринулась навстречу любимому, держа венок перед собой. Кое-как нацепив его на пышные льняные кудри кавалера, она вlepила ему сочный поцелуй.

Не растерявшись, парень подхватил девицу на руки и вместе с ней совершил мощный прыжок сквозь самые высокие всполохи костра.

Толпа ободрительно загудела, а я единственная из всех произвольно захлопала в ладоши,

засмотревшись на увлекательный обряд. За что удостоилась парочки удивлённых взглядов от подруг.

— Комары — звери просто. — Я глупо хмыкнула, убирая

руки за спину.

В чувство меня привёл голос Настасьи:

— Молчальница наша, думаешь об чём? али решилась на что? — она игриво толкнула меня локтем в бок.

— Нет. Волнительно просто. — Я постаралась выдавить из себя подобие радостной улыбки.

В местных обрядах я не разбиралась, о каком выборе идёт речь, подозревала смутно.

По большому счёту это всё ерунда. Но позориться не хотелось даже во сне.

— Да тебе-то чего переживать? За тобой такие парни ходят. — Завистливо отмахнулась крупная девица, та самая, у которой зубы немного выдавались вперёд.

— Какие такие? — закончить мысль я не смогла, на глаза мне попались алые кудри, заигрывающие с ночным ветром. Внутри всё перевернулось, отозвавшись мелкой дрожью в сердце. К горлу подступил волнительный ком.

Ну, конечно. — В очередной раз я убедилась, что сплю и всё это лишь плот моего богатого воображения.

Сейчас мне снился он — тот самый человек, с которым я не раз виделась возле университета, потом на улице и наконец в его собственной чайной, затерянной среди старого парка аттракционов. Видимо, след, оставленный им в моей душе, был гораздо глубже, чем я ожидала.

— Знамо дело, какие, для многих девиц жадобные. — Голос Настасьи шептал в самое ухо. — Архип по тебе давнень-

ко сохнет, да ещё Лютояр, вот уж кто знамый игральщик.

Словно услышав собственное имя, красноволосый повернул голову, и наши глаза встретились над жаркими языками пламени.

Меня будто в пруд с головой окунули. Даже дыхание спёрло.

На миг кошачьи глаза подозрительно сузились, правая бровь недоверчиво поползла вверх. Но парень быстро взял себя в руки. Тонко очерченные губы скривились в насмешливой, почти вызывающей улыбке. Волевой подбородок еле уловимо указал в сторону пылающих костров.

Я нервно сглотнула, не решаясь сделать хотя бы шаг.

— Иди, чего стоишь, видишь, на тебя глядит. — Настасья бесцеремонно вытолкнула меня на освободившееся ритуальное место.

Я встала, наматывая на влажные от волнения пальцы, кончик пушистой косы. Усилием воли заставила себя выдохнуть. — Не забывай, ты сейчас спишь, и в твоём сне всё будет так, как захочешь ты. Так что наслаждайся.

Молодец по имени Лютояр не заставил себя долго ждать. Лёгкой уверенной походкой занял позицию с другого конца костровой линии.

Я робко улыбнулась и получила дерзкую усмешку в ответ. Что тут началось! Ни в одном сне такое не привидится!

Растолкав стену парней, вслед за Лютояром у реки оказался ещё один юноша, не уступавший первому ростом и

красотой. Каштановая чёлка озорно рассыпалась по высокому гладкому лбу. Хитрые зелёные глаза и тонкие черты.

В реальном мире он с лёгкостью мог бы стать моделью. Наверное, я видела этот образ в каком-нибудь журнале или в рекламе.

Второй красавчик подмигнул мне и с вызовом глянул на соперника.

Остальные молодцы поддержали его одобрительным гулом.

Перестав сверлить друг друга надменными взглядами, молодые люди, не сговариваясь, рванули с места в карьер. С прытью горных антилоп их длинные ноги преодолевали опасные препятствия, ничуть не опасаясь жара, временами лизавшего подошвы их сапог.

Я нетерпеливо переступала с ноги на ногу, наблюдая за игрой огненных бликов на густой багряной копне волос Лютояра. Крепкие мышцы под зелёной рубахой красиво ходили и напрягались при каждом прыжке. Опаловая серьга в ухе бешено раскачивалась. Всё это время юноша неотрывно ловил мой взгляд.

Что бы ни произошло, я искренне желала, чтобы победил именно он. А если и нет, другому я веноч не отдам.

С разницей в несколько секунд сапоги обоих соперников примяли траву рядом со мной.

Наплевать, я уже всё решила. Руки сами потянулись к венцу. Лазоревые глаза неотрывно следили за мной, то и дело за-

держиваясь на моих приоткрытых губах. Могучая грудь часто вздымалась после быстрого бега.

Шаг, один, второй.

Со стороны женской половины послышался смех и удивлённые возгласы. Рослая фигура запросто оттеснила меня в тень, и шустрая Настасья ловко надела на парня свой венец, обуздав пышную огненную гриву Лютояра.

— Жирно тебе сразу два таких добрых молодца. — ядовито шепнула нахалка через плечо, и, не давая ему опомниться, она подобно Стеше припала к скульптурным губам.

Молодёжь зашлась задорными выкриками.

Вот она цена настоящей дружбы. — Горько подумала я и, безглаголиво, поведя плечами, направилась ко второму участнику пламенной гонки, намереваясь ободрить его, вручив венок.

Можно, конечно, было кинуть украшение в воду, но из вредности, за то, что вероломная Настасья уже минуту не выпускала приглянувшегося мне парня из объятий, а тот, по моему, и не стремился освободиться, я решилась на вызывающий жест.

— Так-то, Лютояр, победит не тот, кто ловчее, а кто сметливее. — Многозначительно произнёс парень, сияя довольной улыбкой.

— Целовать не буду. — Сразу предупредила красавца, приподнимаясь на цыпочки, чтобы возложить трофей на каштановую макушку.

— Неужто не заслужил? — парень склонился, помогая мне. Зелёные глаза лукаво блеснули.

— Настроения нет. — Буркнула я, косясь на слипшуюся рядом парочку.

— Так, я негордый сам достану. — Юноша потянулся к моему лицу, но я вовремя отвернулась. Тёплые губы невесомо мазнули по щеке.

Парень тихо рассмеялся. — Идём!

Вцепившись в моё запястье, он потянул меня с поляны.

— Учти, если что задумал, так я кричать буду и кусаться! — видя, что мы направляемся в сторону леса, я попыталась освободиться, но тщетно.

— Да не бойсь, худого не сделаю. Нет добра в любви добытой силою. Я тебе чудо показать хочу.

— В лесу? А как же нечисть? — весело поддела я своего спутника.

Тот лишь громко рассмеялся.

— Коль с Архипом в чащу идёшь, никакое лихо тебя не тронет. — В голосе юноши послышались уверенные бархатистые нотки.

Немного успокоившись, я перестала вырываться, и наши пальцы как-то сами собой переплелись. Для надёжности.

— Видела ли ты, горлица, как купальский цветок нарождается?

— От папоротника, который? — выдала все свои немногочисленные познания, имеющиеся в моей голове по этому

поводу.

— От папоротника, ха! — хмыкнул Архип, уводя нас в самую глубь чащи, к овражкам.

Вокруг было темно, хоть глаз коли, но на самом дне оврага пульсировала маленькая красная точка. Она постепенно росла, становясь всё больше и ближе. Наконец, удивительный цветок раскрыл перед нами свои тонкие алые лепестки.

— Гляди, лапушка, сам хозяин леса тебе милость воздаёт. — Тихим шёпотом молвил мне на ухо Архип.

Затаив дыхание, я осторожно присела на корточки, разглядывая диковинную невидаль. Пальцы сами потянулись погладить хрустальные лепестки.

— Сорвёшь такой цветок, и любые желания твои исполнятся. — Архип присел рядом, продолжая щекотать шею тёплым дыханием. Его шершавые пальцы накрыли мои, поднося к искристому стеблю.

— Жаль красоту такую губить. — Я вдохнула тонкий лесной аромат, исходивший от соцветий. В голове приятно зашумело.

Архип плавно повернул моё лицо к себе. Зелёные глаза тускло фосфоресцировали в густой темноте.

— Тогда я сорву. — Он медленно склонялся к моим открытым губам.

Нас разделяло всего несколько миллиметров, как вдруг прошёлся по лесу звонкий стон. Кусты и трава согнулись к земле в подобострастном поклоне, деревья зашатались, пти-

цы с криком покинули гнёзда.

В небе сверкнула яркая зарница, осветив пространство вокруг. Среди толстых стволов стояла босая Улита, в простой шерстяной рубахе. Волосы растрёпаны, глаза точно угли горят, в руках пучок зверобоя да полыни.

Мы с Архипом враз отпрянули друг от друга.

И опять она подняла свой корявый палец указуя на меня: — Говорила я, в лес не ступай. А теперь беги, беги, девка, не то совсем пропадёшь! — Прокаркала она, рассыпая изо рта белые искры.

Чувствуя, как душа быстрой кометой проваливается в пятки, я оглянулась на цветок, ан нет его, исчез.

И Архипа нет. Вместо него очередная вспышка выхватила из темноты страшную рожу, с коричневой растрескавшейся кожей и острым длинным носом. Чудище попыталось схватить меня за плечи.

— Леший! — Взвизгнув, я и понеслась напролом, сквозь дикий бурьян, сшибая по дороге пни и кочки.

Мне казалось, что со всех сторон тянутся ко мне корявые лапы. Того и гляди сцапают. А за спиной что-то непрерывно двигалось, прыгало с места на место, шурша и треща по сухому хворосту.

Вопя, я вывалилась из чаши прямо в крепкие объятия Лютояра, сбив его с ног.

— Ты что, красавица, носишься как оглашенная, али тебе леший хвост поджёг?

Парень рассмеялся своей шутке, не спеша отпускать меня.
— Иди ты. — Прощемила я сквозь зубы, высвобождаясь из его цепких рук.

Сейчас на открытой местности, ярко освещённой кострами, где явственно слышались смех, песни и крики гуляющих, мысли о лешем и прочих чудесах казались глупыми и нелепыми. Потихоньку становилось стыдно за то, что трусиха вроде меня вопила на весь лес. Людей наверняка испугала.

Но, кажется, кроме Лютояра, никто вообще не заметил моего отсутствия.

— Да ты горишь вся. — Лютояр прижал прохладные ладони к моим щекам. — Пойдём на реку, охолонёмся.

— Размечтался. — Я сердито сбросила его руки. — Нашли себе дурочку с переулочка.

— Чудно выражаешься, девка. — Усмехнулся Лютояр, но уговаривать не стал. Влился в компанию парней, идущих к реке, и был таков.

Наконец, у меня появилось время отдышаться и оглядеться. Я оправила юбку, отметив, что после всех приключений, гребень, плотно заткнутый за пояс, всё ещё был при мне. И задумалась: а не пойти ли мне действительно к реке? Умыться и прийти в себя. После выходки Настасьи идти к подругам не было никакого желания. Да и нарваться на лешего разгуливавшего в облике парня Архипа ой как не хотелось.

В тени высоких камышей я нашла уютные старые мостки и, стянув лапти, опустила ноги в обжигающе студёную во-

ду. Река успокаивала, гоня по ребристым зеркальным волнам стайки девичьих венков.

От нечего делать я достала гребень, принявшись расчёсывать шелковые ленты волос.

Сон явно затягивался, яркий, но безумно утомительный. Как же заставить себя проснуться? Если столько спать, потом будешь мучиться мигренью. Хотя время ведь во снах течёт по-другому.

Тяжёлый плюх заставил меня поднять голову. На противоположном берегу, чуть в стороне от меня парни упражнялись в смелости, прыгая с крутого обрыва прямо в воду.

Среди голов ярким пламенем пестрели кудри Лютояра. Разбежавшись, он стрелой нырнул в воду.

Без свободной рубашки его тело выглядело ещё более рельефным и крепким. На груди болтался замысловатый кулон на чёрном шнурке.

Надо было уходить, пока красноволосый игральщик меня не заметил. Решит ещё, что я за ними подсматриваю.

Я подогнула под себя влажные ступни, наскоро переплетая волосы.

Вода под мостками забурлила, и из тёмной глубины показалась мокрая макушка Лютояра.

— Скучаешь, красавица, айда с нами прыгать? — хитро улыбаясь, он приблизился к деревянному краю мостков.

Я фыркнула.

— Идём, али силой уволочь? — он бесцеремонно выдер-

нул у меня из рук гребень. — Достанешь, а красавица, али мне подаришь?

Лютояр играл со мной, дразня и хищно улыбаясь. Он явно не привык к отказам и не собирался отступать так просто.

— По какому праву ты явился, трогаешь мои вещи и угрожаешь? — я в сердцах запустила в него лаптем, но промахнулась.

Лютояр мелодично рассмеялся.

— Смешно тебе? — второй лапоть просвистел над красной макушкой.

Парень ринулся в мою сторону. Подтянулся на вытянутых руках и выдохнул почти в самые мои губы:

— По праву купальской ночи.

Сильная рука обвилась вокруг шеи, утаскивая меня за собой в тёмные воды реки.

Глава 3 Бал у водяного

Вода сомкнулась над головой студёным покрывалом, вмиг отрезая меня от грохота весёлых голосов и песен. Остатки воздуха в лёгких превратились в колючих морских ежей, болезненно раздуваясь и требуя выхода. Дикая паника растеклась по венам быстрее любого яда.

Что за ужасное сновидение! Даже сейчас, в таких кошмарных условиях, проснуться не получалось. Хоть вой.

Я брыкалась, без разбору молотя руками и ногами, как бешеная кошка. Однако железная хватка Лютояра ни на миг не ослабла. Его ледяные пальцы, будто речные водоросли, обвили мою талию, прижимая к твёрдому, нечеловечески сильному телу.

Пусти! — вместо крика из горла вырвался белёсый пузырь. Предательница-вода тут же хлынула внутрь, раздирая горло и нос резкой, неприятной болью.

Пространство вокруг превратилось в мутный, кружащийся кисель из бликов и теней, сузившись до размеров красивого лица, плившего передо мной совсем близко.

В ареоле алых прядей, колышущихся вокруг головы Лютояра подобно языкам пламени, его идеальные черты становились жуткими, почти демоническими.

В глазах мужчины не было ни капли страха — только высшее торжество хищника. Сейчас в этом взгляде сошлись

его негласная власть и моя полная беспомощность. Царапать или кусать мраморную кожу было бессмысленно — всё равно что пытаться вырвать пёрышко из лап урагана.

Уверенно и плавно, раз за разом преодолевая неравное сопротивление, он склонялся ко мне.

Губы Лютояра были на удивление горячими и жгучими. В местах, куда они попадали, кожа мгновенно начинала саднить.

Зачем так отчаянно бороться с ночной грёзой, вместо того чтобы просто плыть по течению к моменту радостного пробуждения? — пронеслась в шальной голове единственная здравая мысль.

Словно услышав мои внутренние рассуждения, вода вокруг нас застыла в предвкушении. Вместе с ней замерла и я, напряжённо ожидая, какие ощущения подарит мне эта нечаянная близость.

Ни о какой любви или нежности речи не шло. Мужские пальцы твёрдо фиксировали мой затылок. Это была самая настоящая печать. Клеймо хозяина, говорящее всем и каждому, что пойманная рыбка принадлежит только ему.

Стоило нашим губам соприкоснуться, мир взорвался под толщей воды.

Глухой удар сотряс речное дно. По илистому песку побежала трещина, из недр которой вырвался столп ослепительного света, словно бусины рассыпая вокруг себя огненные шары, похожие на маленькие кометы. Пронзая тёмную воду,

они устремлялись к поверхности, ярким огнём освещая себе путь.

Зрелище было масштабным и пугающим своей стихийной красотой. Видимо, этот сон я буду вспоминать ещё очень долго. Всю жизнь.

Провожая их замороженным взглядом, я не заметила, когда жгучая боль в груди отступила. В лёгких, мгновение назад горевших огнём, залегла влажная, густая прохлада. Единственный судорожный вдох сразу дал понять изумлённому сознанию, что вода больше не удушает. Даже совсем наоборот — насыщает и придаёт сил.

Набравшись смелости, я толкнула Лютояра в грудь и попыталась всплыть вслед за диковинными огнями. Но не тут-то было. Ровно на середине пути меня встретило незримое препятствие, каждый раз отбрасывающее осмелевшую рыбку назад к хозяину.

Крошечная червоточинка сомнения, зародившаяся ещё в доме старухи, стремительно разрасталась, с каждой секундой превращаясь в глубинное осознание чего-то страшного и непоправимого.

Я ведь не умерла. Люди не умирают вот так просто ни с того ни с сего, сидя в кресле с котом на руках... Или всё же... да нет, я определённо сплю. Сплю! — губы предательски задрожали, выпуская на волю несколько пузырьков моего отчаяния, растворившегося в глухой водной стене.

Глупая рыбка билась о речное холодное стекло, не пускав-

шее её в мир.

Лютотяр молча наблюдал за моими потугами, не предпринимая попыток помочь или помешать. При виде моих слёз самодовольная улыбка исчезла с его красивого лица, но в глазах по-прежнему плясало дикое пламя торжества.

— И не пытайся, красавица. По праву купальской ночи я взял твой первый поцелуй. Теперь ты моя, — прошептал он, и его голос круглым эхом разошёлся по воде.

Я хотела спустить красавчика с небес на землю и рассказать, что свой первый поцелуй отдала ещё в старших классах, на спор. Но вовремя вспомнила, что в этом абсурдном сне я путешествую в чужом теле. И для девушки по имени Акулина это действительно мог быть новый опыт.

Очередной приступ паники сменился минутным облегчением.

Если у меня чужое тело, значит, я точно не умерла. С самого детства нам усердно вдальбливают в голову, что душа всегда путешествует в своём обличье. Получается, всё-таки сон... Но почему именно юная крестьянка с косами? Почему не Мэрилин Монро? Или не королева Виктория? Неужели у меня такая скудная фантазия?

Наивный коротышка-догматик очень вовремя подал голос из глубинных недр моего сознания: а с чего ты решила, что в этой реальности от тебя вообще хоть что-то зависит? Оглянись, ты когда-нибудь видела такие эмпирические сны?

Мгновение счастья растаяло, подобно дымке, уступив ме-

сто новым тяжёлым думам. Мне действительно ранее не доводилось испытывать ничего подобного во снах. Они бывали яркими, даже чувствительными, но никогда не передавали такую объёмную многогранность обстановки и гамму различных ощущений.

Хорошо, даже если на миг допустить мысль о моём случайном переносе в тело незнакомой мне девушки, следом назревал ещё один серьёзный и крайне щепетильный вопрос: где сейчас настоящая Акулина? Может, она перенеслась в моё тело? А вдруг я вообще убила её, явившись без спроса.

Ответа не было. Тупая боль плотно угнездилась в висках.

— Тебе что же, совсем не страшно? — удивлённый голос Лютояра прозвучал слишком близко, бесцеремонно вторгаясь в бурный поток мыслей.

— Страшно, — рассеянно ответила я, массируя виски и думая о том, каким непостижимым образом в другой вселенной мог оказаться Лют — человек из реального мира, с которым я общалась незадолго до приезда к бабушке.

В висках застучало сильнее. Организм требовал немедленно прекратить терзать его неразрешимыми вопросами.

— Чтобы окончательно испугаться, мне бы для начала понять, зачем я тебе. В жёны возьмёшь? — Я нахмурилась, старательно вспоминая всё то, что слышала в детских сказках и быличках, так любимых бабушкой.

— Для деревенской сиротки, которую я знаю, у тебя слишком длинный и острый язык, — неожиданно выдал Лю-

тояр. — Раньше всё молчала да в платочек усмехалась, а теперь выражаешься чудно, реагируешь не как девица. Сцапай я кого из твоих товарок — такой визг стоял бы, у водяного терем зашатается. А ты спокойная, всё думаешь об чём-то. — Он проплыл вокруг меня, внимательно оглядев с ног до головы. — Чую подвох, но пока не разобрал, где именно. А впрочем, так мне даже больше нравится. В жёны тебя не возьму, а вот невестой назову обязательно.

— Зачем? — опешила я от такого странного ответа.

— Затем, что выглядишь ты лучше русалок, — смех Лютояра зарядил по воде.

Тяжёлая рука приобняла меня за плечи, увлекая за собой.

Я попыталась сбросить обнаглевшую конечность.

— Ещё скажи, что ты и есть водяной.

— Я купалец. Высший дух огня и водной стихии. Единожды за год, в день летнего солнцестояния, я выбираю себе невесту на одну ночь для поддержания баланса. Укрощать внутри и пламя, и волну — дело хлопотное, непростое.

— А что потом? — За разговором я не заметила, как, миновав рошу из толстых длинных водорослей, мы спустились ещё глубже.

Эта река была воистину бездонной.

По лицу Лютояра пробежала едва заметная тень, но он тут же загадочно улыбнулся:

— Потом будет потом.

Вдоль илистой дорожки, украшенной мелкими цветными

камушками, плавали косяки мелких светящихся рыбок.

Я удивлённо покачала головой, глядя на живые фонарики. И как только они не разбегаются?

Подводная тропка вывела нас к песчаному двухэтажному терему с белыми наличниками и черепичной крышей из ракушек. Дверей и стёкол в арочных окнах не имелось. Речные обитатели, в том числе и светящиеся малышки, свободно плавали из комнаты в комнату.

— Твой дом? — поддела я мужчину.

Лютояр шутку не оценил, смерив меня укоризненным взглядом:

— Я же сказал, здесь обитает местный водяной. А духу вроде меня дом вообще не нужен.

Прямо с порога нас окружил серо-зелёный сверкающий вихрь тонких тел, клубившийся преимущественно вокруг Лютояра. Дюжина русалок по-кошачьи ластилась к купальцу, преданно заглядывая в глаза и оглаживая костлявыми пальцами могучие плечи. Их тонкие шёлковые платья, расшитые мелким речным жемчугом и самоцветными камнями, создавали причудливую игру света на потолке.

Приглядевшись, я поняла, что своды над нашими головами тоже рассеивали яркие блики, отражавшиеся от множества перстней, бус, серёг и просто мелких монеток, очевидно, когда-то потерянных или заброшенных сюда людьми и намертво впечатанных в песок.

— Явился наконец, сокол, мы тебя ждали, — пропела

потусторонним голосом самая пугающая и явно старшая из русалей шайки.

Её зелёные волосы, в отличие от сестёр, не вились красивыми волнами, а свисали тяжёлыми спутанными канатами. На щеке русалки я отметила давний глубокий шрам, потемневший от времени и тянувшийся до самого горла. Однако и она была убрана по-праздничному: в волосах белела крупная водяная лилия.

Лютояр развёл руки в стороны — по воде прошла мощная вибрация. Галдящие русалки попятились в разные стороны, клубами вздымая речной ил.

Нежить недовольно зароптала, громко пеняя купальцу на неласковое обращение.

— Цыц, улейки! Разбулькались! — голос, сдавленный и утробный, словно эхо, прокатился по дну реки.

Русалки тут же смолкли, сгрудившись в кучу. Из огромного зала напротив показался громадный чёрный сом. Он неспешно заскользил в нашу сторону, отдуваясь сквозь толстые усы. И неудивительно: на его спине приклеилось нечто такое, отчего приличного человека вполне могло вывернуть наизнанку.

Бесформенный шмат слизи был покрыт блестящей зеленоватой чешуёй. В складках жира проглядывали мутные раскосые глаза. Спутанная борода из тины зашевелилась, обнаружив обрюзглый рот:

— Пожаловал, гость дорогой, уважил, подарок привёл.

— Рыбьи глаза так жадно зыркнули в мою сторону, что я невольно попятилась, спрятавшись за широкое плечо Лютояра.

— Девушка не для тебя. Я выбрал купальскую невесту, — жёстко ответил мужчина, закрывая меня собой.

Хозяин реки зашёлся булькающим смехом.

— Шуткуешь, Лютояр! Не можно, чтоб человечья девица невестой тебе стала. Выбирай из дочерей, как уговорено, не мути воду.

Русалки всей толпой тотчас замельтешили пред купальцем, охорашиваясь и поправляя цветы в волосах.

— Некогда мне шутки шутить. Говорят же: выбор сделан, рыбий ты пузырь! А если река его приняла — стало быть, можно. Так что принимай честь по чести.

Лютояр в который раз раздражённо отогнал русалок жестом. Те обиженно зашипели.

Водяной недоверчиво подплыл поближе, вглядываясь в меня белёсыми точками глаз. Вероломный Лютояр не мешал смотринам, наоборот, отошёл подальше, освобождая пространство.

— Глядите, дочки, водяница али воровка? — толстый палец показал на гребень, плотно сидящий у меня на поясе.

— Наше, наше! — зашипела нечисть, скаля острые кривые зубы и как-то незаметно беря меня в кольцо.

Лютояр уже поднял руку, намереваясь усмирить разбушевавшихся русалок, но в центр выступила старшая, со шра-

мом на щеке. Она бесцеремонно вытащила из-за пояса гребень — я даже перехватить не успела. Пальцы лишь царапнули воду.

Внимательно осмотрев серебряную ручку с полумесяцем и жемчугом, она крепкой хваткой вцепилась в моё плечо.

— Идём, чаровница. Белый огонь скоро зажжётся, а ты не готова.

Увлекаемая русалкой, я беспомощно оглянулась на Люто-яра, но тот безразлично взирал на произвол, творящийся на его глазах. Остальные вереницей потянулись за нами, причитая и охая.

Всю дорогу я тщетно пыталась освободиться или хотя бы проснуться, но только делала себе ещё больше — наверняка на руке останется приличный синяк.

— Отпустите меня! — мои слова прозвучали как мольба. — Я в невесты не напрашивалась. А так уйду, и всем спокойнее станет.

Русалки охотно закивали, воодушевившись идеей. Все, кроме той, что была со шрамом.

— Жаль мне тебя. — В тёмных больших глазах блестела тоска. — А себя ещё больше. Отпущу — и купалец нас со свету сживёт. Да и речка тебя раньше не пустит. Закончим ритуал и ступай на все четыре стороны.

Под мой обречённый вздох мы вошли в просторную светлицу. Каждая вещь здесь говорила о множестве существ женского пола, обитающем здесь: ростовые зеркала, сундуки с

платьями и разным блестящим добром, охапки лилий и даже прялки с зелёной куделью из водорослей.

— Лоскота, дай ей своё платье, — распорядилась старшая, сажая меня на скамью перед зеркалом.

— Почему я? — недовольно взвизгнула самая маленькая и пронырливая из русалок с гривой зелёных кудрей.

— Потому что обе вы росточком с вершок, — захохотала её сестра, ловко расплетая мои косы.

Насупившись, Лоскота принялась копать в сундуке.

— Ты особо-то не радуйся, чаровница. Ты всего на одну ночь почётница, — заявила другая русалка, гребнем превращая мои волосы в блестящую шёлковую реку.

— Как будто с вами по-другому бывает, — огрызнулась я, стараясь не показывать, насколько мне были приятны её действия.

— Всё так, — согласилась русалка. — Да только ты не первая чаровница водная, которую купалец сюда приволок. Была уже одна, да только где она теперь? Одному Чернооку известно. — доверительно шепнула она мне в самое ухо.

Я испуганно сглотнула.

— А кто такой этот Черноок?

— Речава, кончай запугивать да дело делай! — предостерегающе произнесла старшая.

Вскоре стараниями водных сестёр я практически ничем не отличалась от них: белое расшитое платье, лилии в распущенных волосах, богатые подвесы по обе стороны от лица.

Закончив убранство, сёстры молча выплыли за дверь.

— Как кончится танец, не дожидайся. Бросай цветок в огонь и беги. Река выпустит, — шепнула на прощание Речава, вложив мне в руку гребень, обмотанный завядшей кувшинкой. — Нам соперницы не нужны.

Я глянула на старшую и получила ответный многообещающий взгляд.

С одной стороны, мне очень хотелось сбежать, попасть наконец домой, проснуться и понять, что всё это — просто плод моего воображения. Встретиться с Лютом, настоящим, в безопасности уютной кофейни, без всякой нечисти и недоумков, не предвещавших ничего хорошего.

С другой — зачем бы этим девицам мне помогать? Не навлеку ли я на себя ещё большие беды, воспользовавшись их советом?

Решив действовать по обстоятельствам, я шагнула вслед за русалками под своды широкого зала, в центре которого гудел и искрил огромный столб чистого белого пламени, достававшего почти до самого потолка.

Русалки тут же принялись водить хоровод, распевая низкие гортанные песни и попутно одаривая ласковыми улыбками Люта, стоявшего у изножья костра.

Серьёзный и сосредоточенный, он никак не реагировал на выходы русалок, наблюдая, как я медленно, но, верно, приближаюсь к нему, для надёжности подталкиваемая старшей водницей.

— Возьми меня с собой, — вдруг тихо сказала она. — Сил моих нет больше тут томиться. Не сестра ведь я им. Утопленница проклятая. Первая краса была на всю деревню, а теперь, посмотри, что со мною сделалось. Очи мои выцвели, губы иссохли. Не алеет румянец боле на щеках. Мочи нет так жить.

Я резко обернулась. Но старшая не смотрела на меня. В её стеклянных глазах, устремлённых на пламя, клубилась горькая болезненная тьма. Грубый шрам ярко выделялся на мертвенно-бледной коже:

— Все слёзы выплакала. В купальскую ночь только и могу уйти, да некому провести. Освободи меня, чаровница, сжался.

Острая боль сочувствия сжала сердце. Неужели за одну-единственную ошибку может так страдать душа? И нет ей ни прощения, ни покаяния.

Я мысленно содрогнулась, представив себя на её месте, затем едва заметно кивнула:

— Как твоё имя?

— Не помню, много годков никто не звал меня. Но здесь Полией кличут.

— Полия, не отходи далеко.

Этот странный, но такой необходимый мне разговор придал сил и смелости. Я больше не чувствовала себя заблудшей овцой в логове волка.

Уверенной поступью я вышла в круг, встав напротив Лю-

та. В кулаке с силой сжимала гребень и заветный цветок.

— Долго снаряжаешься, краса.

Лютояр взял меня за руку и повёл по кругу в диковинном танце, то так-то этак сплетая наши руки, пропуская через хороводные арки, создаваемые для нас русалками. Огонь трещал и клонился за нами следом, послушный эмоциональной неспешной пляске. Лаская, но не обжигая.

Всё это время Лютояр не отрывал от меня тяжёлого хмурого взгляда.

Наконец я не выдержала:

— Ты на мне дыру просмотришь. Цветы, что ли, на лбу у меня выросли?

Лютояр слегка усмехнулся:

— Во время обряда не принято беседовать, но ты девка чудная, поэтому отвечу. Танец скоро закончится, и долг велит мне отпустить тебя. Только я не хочу. Такая вот беда, краса.

— И что будет, если не отпустишь?

— Сгорю.

Лютояр придвинулся совсем близко, жадно всматриваясь в мои глаза и отыскивая в их глубине ответ на свой неразрешимый вопрос.

— В пену превращусь, дымкой по реке расстелюсь.

Я сглотнула, не понимая: шутит он, испытывает меня или говорит серьёзно.

— Значит, придётся отпустить. Для твоего же блага.

С трудом отстранилась, решительно сжимая заветный цветок. Только бы не опоздать, не промахнуться.

При каждом повороте я оборачивалась, высматривая в кругу танцующих Полию. Она нашлась почти рядом и тоже не сводила с меня острого взгляда. Готовилась ловить мой первый же знак.

Проведя последнюю фигуру, Лютояр отступил, обернувшись к огненному столпу, расширившемуся и гудевшему ещё пуще. Он развёл руки в стороны, готовясь войти прямо в пламя.

В этот самый момент стены терема содрогнулись и, проломив ракушечную крышу, вниз спикировал бледный молодой мужчина в тёмном мундире. Глаза его были закрыты, руки, сжимавшие узелок и тонкий кинжал, сложены на груди. Чисто утопленник.

Все замолчали. Русалки от страха разметались по углам. Водяной, успевший задремать, сонно оглядывался по сторонам в поисках источника шума.

Утопленник резко открыл глаза. Словно кот, он перевернулся в воде и ловко приземлился на корточки, подняв тучи ила и песка.

— Для незваных гостей у меня одна дорога, — проклокотал водяной, неприязненно глядя на гостя.

— Меня зовут Велимир. Я за девушкой пришёл. Без неё не уйду, — мужчина распрямился, осматриваясь.

— С чего взял ты, Велимир — человеческий сын, что у меня

девица водится? — снова захлюпал речной владыка.

Русалки тут же метнулись в мою сторону, закрывая собой и хаотично перемещаясь, путая пришельца.

— Вещица её к тебе привела, стало быть, рядом она. Обереги не лгут.

В его ладони призывно блеснули бабушкины серёжки — те самые, с чеканными солнышками.

Я дёрнулась на месте, но в последний миг удержала себя. Неизвестно, можно ли доверять этому странному человеку. Даже если он посланник Улиты, как бы только хуже не сделать. Как благоразумная девица, я решила немного выждать и сбежать, воспользовавшись цветком.

Полия многозначительно приложила палец к губам, поддерживая мой план. Затем она сорвала с подола кусок прозрачной ткани, накрывая меня почти до самых колен наподобие фаты. Остальные русалки проделали то же самое.

Стройными призрачными рядами мы застыли перед незванным гостем.

Я тайком оглянулась на Лютояра. Тот укрылся в тени, внимательно наблюдая за происходящим. На его красивом напряжённом лице гуляли желваки.

— Пусть тебе твой честный оберег и помогает. А мы поглядим, — крикнул водяной, властным жестом указуя на группу одинаковых фигур, белеющих во тьме.

Велимир медленно прошёлся вдоль русальей шеренги, подкидывая на ладони бабушкины серьги.

Вопреки моим ожиданиям он не всматривался в лица, скрытые невесомой тканью. Не оценивал рост и сложение. Он тихо прислушивался к чему-то внутри себя, прикрыв для концентрации тёмные волоокие глаза.

Секунды одна за другой перетекали в минуты напряжённого ожидания развязки.

— Ну что твой оберег? Молчит на сей раз? Учти: не сможешь — я и тебя заберу! — не выдержал водяной, причмокивая и ёрзая на месте.

— Ох, душа твоя ненасытная! — вздохнул юноша, не отрывая глаз. — Прежде чем грозить — отгадай-ка мою загадку: что растёт кверху корнями, а книзу ветвями, без ствола да без листочка?

— УУУ! — обиженно завыл водяной. — Сложно складываешь! Давай другую!

— Нет у меня других загадок. А не сможешь — так отдавай девицу!

Остановившись прямёхонько напротив меня, Велимир приложил серьги вплотную к уху, потряс их и прислушался. Глаза его были по-прежнему закрыты.

Водяной в который раз почмокал губами, похожими на холодец, закричал и затих, ломая голову над задачей Велимира.

А тот не терял времени даром: резко выбросил руку с зажатými в ней серьгами в мою сторону:

— Человек! Она та, которую я ищу!

Русалки зашипели и кинулись на пришельца. Я тоже не собиралась стоять столбом в такой удачный момент.

— Полия! Сейчас!

Подобно Велимиру я тоже вытянула ладонь вперёд, лихорадочно отыскивая взглядом утопленницу среди беснующейся нежити.

В этот миг Велимир что-то сдёрнул с груди и теперь отпугивал озверевших русалок, не давая им подойти ближе, чем на метр.

— Ах ты карп солёный! — Видя, что дочки рычат и бьются, не в силах навредить незваному гостю, водяной начал быстро и яростно раздуваться. Чешуя натянулась, в зелёных космах бороды, на месте рта, прорезалась огромная зияющая дыра. Он словно гигантская труба втягивал воду вместе с несчастными рыбками и водорослями. Речное дно дрожало и осыпалось; стены терема ходили ходуном; из дыры в крыше сыпались ракушки.

Велимир кинулся ко мне, но русалки сбили его с ног.

— Полия! — В моём отчаянном истерическом крике сошлись нетерпение и страх не успеть.

Воронка закручивалась всё мощнее, проглатывая окружающее пространство. Я повернулась к догорающему пламени, намереваясь уйти одна, но тут моих пальцев коснулась ледяная скользкая ладонь. Полия вцепилась в меня как в спасительную соломинку.

Велимир отогнал русалью стаю и уже стремительно полз

по дну, направляясь к нам. Пальцы мужчины царапали песок, его неумолимо затягивало внутрь гигантского омута.

Несколько секунд я колебалась между необходимостью спасти незнакомца и желанием бежать.

Вдалеке взметнулись руки Лютояра.

— Кидай! — Рывкнула Полия, и мы понеслись яростным вихрем прямо вверх как белая огненная комета.

Глава 4 Земляничная граница

Я плюхнулась плашмя на землю, ловя ртом воздух, как вытщенная на берег рыба. Налетевший ветерок кусал сквозь мокрую одежду, с которой ручьями стекала вода, возвращаясь в реку.

Кругом, до самого горизонта, тянулось чистое поле, ни тебе деревни, ни старых мостков. Один только чубчик леса зеленеет вдали, да избушка подпирает холм трухлявым боком.

Нечто похожее можно было увидеть из окна электрички, на подъезде к деревне, где жила бабушка.

Я радостно выдохнула.

Какая прелесть! Наконец-то этот кошмар закончился, и я проснулась!

Только вот засыпала-то я в доме. Получается, к реке меня принесли ноги? А уж потом я упала в воду и очнулась?

В другой раз я бы непременно обеспокоилась своим состоянием и занесла в планер поход к психотерапевту. Луна-тить во сне — дурная привычка.

Но сейчас, после пережитого, я лишь счастливо и глупо хихикнула. Обязательно увековечу такой реалистичный сон в мемуарах.

— Вот и Полия исчезла. Значит, точно наваждению конец. Можно идти напрямик домой, рассказать о моих приключениях бабушке, почесать лохматое пузо антипке и выпить го-

рячего ароматного чая в своей родной пижаме, в своём любимом кресле!

Раскинув руки, я неистово завопила прямо в пёстрое летнее небо.

Мой крик испугнул белого журавля, притаившегося в камышах. Сделав изящный полукруг над моей головой, он устремился ввысь, мелькнул тёмным пятнышком на солнце и пропал. Проводив птицу взглядом, я отметила, что окрас у неё очень необычный: тёмное оперение словно лента опоясывало шею, уходя под самый клюв.

— Ты чего так шумишь? Всю нечисть перебудишь. — Из речной воды торчала взъерошенная голова Велимира. На осунувшемся бледном лице висели крупные капли.

— Насилу сбежал. — Он выбрался на берег и ничком рухнул в траву, тяжело дыша.

Руки, торжественно поднятые ввысь, обреченно повисли по бокам.

Моё расстройство и кислую мину мужчина принял на свой личный счёт, делая ненавязчивые попытки оправдаться.

— Не бойся, я не обижу. — Угрюмо пообещал он, наблюдая, как я отодвигаюсь подальше.

— Ничего ты мне не сделаешь, ты вообще мне просто снишься. — Показательно уткнулась носом в колени, повернувшись к опешившему мужчине спиной.

— Думаешь, я и всё, что произошло — это плод твоего

воображения?

— А что же ещё?! — Я круто развернулась, злая оттого, что моим надеждам и планам опять не суждено сбыться. — Лешие, водяные, люди в странной одежде! — Я негодуяще ткнула в Велимира пальцем. — Ты хоть раз видел в жизни что-то подобное? Я нет! А знаешь почему? Потому что не существует никакой нечисти, это выдумки недалёких людей!

Я вскочила, на глазах блеснули жгучие слёзы. Но меня уже было не остановить. Напряжение и страх последних часов, подкреплённые сломленными надеждами, превратились в летящую эмоциональную лавину, сшибавшую всё на своём пути.

— Кругом загадки, сумасшествие, я сама на себя не похожа! Помолчи, участник реконструкции! — грубо пресекла попытку Велимира вставить хотя бы слово.

— Я устала и просто хочу домой! Как проснуться, только не знаю!

С размаху плюхнулась на пятую точку, тяжело дыша. Высказалась, и на сердце немного полегчало.

— Я прощаю тебе оскорбительные речи, полные странных слов и отсутствие такта, ссылаясь исключительно на твоё крестьянское происхождение и необразованность. А одежда у меня, кстати, самая обычная. Ты, конечно же, не знаешь, как выглядит служебный мундир чиновника особых поручений в столице, и это тоже вполне можно понять. В вашей деревне привычны рубахи да лапти.

Я аж воздухом подавилась от нахлынувшего негодования. Какой-то косплеер — а я уверена, что мой мозг взял этот образ именно с фестиваля любителей фэнтези-игр — будет мне пенять на необразованность. Мне, человеку с университетским дипломом.

Гнев уступил место веселью. Я засмеялась. Громко и нарочито.

— Я сказал что-то забавное? Знаешь, для скромной сиротки, описанной мне в деревне словами: «заступиться за неё некому», ты слишком уж бойкая.

Велимир недоверчиво покачал головой, стаскивая насквозь мокрый сюртук.

— Потому и бойкая. — Отбрила я, а сама смекнула, что надо бы вести себя потише, не провоцируя новых опасных вопросов. По крайней мере, до того момента, как я окончательно пойму, с чем имею дело.

Можно ли доверять здесь хоть кому-то, я пока тоже не определилась, а вот дров наломать уже вполне могла.

— Именно что бойкая не по годам. — Из ближайших зарослей выступил Лютояр.

В отличие от нас с Велимиром, потрепанных подводным гостеприимством, этот поганец был полностью сухим и выглядел непростительно хорошо.

Велимир мигом вскочил на ноги, отодвигая меня за свою вполне себе широкую спину.

— Учти, нежить, соль у меня ещё осталась, хоть и мокрая.

Лютояр надменно фыркнул.

— Я здесь не за скандалом. Я помочь хочу.

— С каких пор духи людям помогать стали, а не пако-
стить? — прищурился Велимир.

— А ты не видишь, кого за собой таскаешь? — Волевой подбородок указал на меня.

Тут уж я начала надуваться, как рассерженная гусыня. Кто это тут кого таскает? Я, вообще-то, первая пришла.

— Ясно же как белый день: не в себе девка, да и ты почти ни с чем пришёл. Пропадёте вы тут без меня.

— Обойдёмся сами. — Сухо резюмировал Велимир, не трогаясь с места.

— Верно. Сейчас пойдём и у добрых людей помощи попросим. — Я решительно указала на избушку, одиноко темневшую на горизонте. — А ты, водник, давай гребь отсюда. Так себе из тебя добрый дух, примерно как из меня балерина.

Уверенной походкой я направилась к цели. Гулкая тишина за спиной заставила обернуться. Мужчины удивлённо взирали на меня. Велимир даже рот в изумлении приоткрыл. Затем повернулся к Лютояру и многозначительно кивнул: дескать, и правда свистит котелок у девоньки. Лютояр ответил ему не менее красноречивым взглядом.

А у меня ладони зачесались отвесить им обоим по хорошей оплеухе. Но, сдержавшись на сей раз, я молча пошла дальше, воинственно расправив плечи. В конце концов, мне

самой необходимо лучше контролировать эмоции и не забывать, что даже во сне мои смелые эпитеты могут шокировать неокрепшие умы местного населения.

К торчащей посередь поля избе подходила я уже не так бодро — сказывались полуденный зной и усталость.

Не обращая внимания на компанию, ожидаемо увязавшую за мной, решила сразу постучать. Только двери не нашла. Окна тоже отсутствовали, поэтому определить, был ли кто живой внутри, не представлялось возможным. Кургузый сруб крепко дремал, разморённый летним солнцем, мал по малу врастая в травянистую землю. Я на всякий случай обошла его кругом и на последнем рубеже с силой врезалась в крепкую грудь Лютояра.

Не растерявшись, он широко улыбнулся, цепляя меня за запястье:

— А я и не говорил, что я добрый.

— Оставь меня по-хорошему. А не то пожелаю развеять тебя по ветру. Это же мой сон. — Я сделала замысловатый пасс рукой, прямо перед его носом, имитируя колдовство. Затем развернулась и снова пошла по кругу, но в другую сторону.

Купалец не отставал, тихо посмеиваясь:

— Не торопись, краса. Пусть лучше он попробует.

— Почему это? — хором откликнулись мы с Велимиром.

— Ну, если твой спаситель настолько зелёный, что до сих пор не смекает, где мы, то я отвечу, мне не жалко. Хозяйка

больно падка на смазливые рожи. — Поиграл охрыми бровями Лютояр.

— Я знаю, что это за место. Одного в толк не возьму: меня на поклон посылаешь, а ты, стало быть, ры... — Велимир запнулся, воровато покосился на меня, поправил ворот ещё не просохшей рубахи. — Лицом не вышел?

Лютояр озорно засмеялся.

— Ох, уж если бы! Карга меня как облупленного знает. Да и от остальных наядниц спасу нет.

Всегда подозревала, что такой мужской психотип свойствен бабникам первой категории. Только сердце почему-то стало стучать медленнее, тяжелее. Ещё ни один мужчина в моём окружении вот так нахально не хвастался личным успехом.

Неожиданно на плечи опустилась тяжёлая рука. Безрезультатная попытка вырваться лишь вызвала очередную понимающую улыбку на красивом лице водника.

— К тебе, краса, это не относится. От такой я бы не прятался.

Я отвернулась, стараясь сохранить образ серьёзной девушки, озарённый гордым равнодушием.

— Если закончили любезничать, то с вашего разрешения, пора бы и делом заняться. — Недовольно вклинился Велимир.

— Истину глаголешь, человек. Ты постучи, а мы тут, рядышком подождём. — Лютояр затащил меня за высокий стог

жёлтого сена.

Не понимая, что происходит, я попыталась возмутиться. Но вредный дух лишь коварно улыбнулся, приложив тонкий палец к моим губам.

— Смотри, краса. — Шепнул он, шевеля дыханием крохотные волоски возле моего уха.

Тяжело вздохнув, Велимир оправил остатки благородной одежды и три раза звонко стукнул по углу сруба.

Первые несколько минут ничего не происходило. Изба продолжала дремать, на её крыше с хриплым карканьем гнездились вороны. Наша шумная возня вспугнула их размеренный сон.

Я уж было подумала, что Лютояр специально издевается над Велимиром, маявшимся на самом солнцепёке, устало отирающим шею и лоб в ожидании неизвестно чего.

Видимо, и сам понимая абсурдность своего положения, он постучал ещё, напоследок от души поднаддав по стене носком сапога.

Лютояр тихо усмехался то в мой затылок, то в шею. Пришлось недовольно дёрнуть головой, чтобы не отвлекал. Сия инсинуация возымела противоположный эффект: раскалённое дыхание невесомо прошло по линии плеча.

— Смотри внимательно, такого ты точно никогда не видел.

— Отстань! — я нетерпеливо заёрзала, не отрывая ошарашенного взгляда от избушки, которая вдруг встряхнулась,

разлепила два сонных круглых окошка и стала суетливо топтаться на месте, обнажив мощные костяные лапы.

— А вот кричать не советую. Привлечёшь лишнее внимание, и тогда нам всем несдобровать.

Овальная дверь распахнулась, протяжно скрипнув. Будто избушка зевнула, — подумалось мне, но я тут же отогнала от себя крамольные мысли. Избушки не зевают. Просто кто-то изнутри открыл ставни на окнах и отворил дверь.

В подтверждение моих слов на пороге показалась хозяйка. Румяная и фигуристая. И как только у Лютояра язык повернулся назвать молодую красавицу каргой? Перекинув через плечо толстую льняную косу, оправленную лентой, она принялась призывно теребить кончик, стреляя глазами в сторону Велимира.

А тот ничего, стойко держался, не поддаваясь на провокации.

— Чей ты, молодец добрый? Давненько никто в гости не заглядывал. Уж и не чаяла. Думала, перевелись все. — Потянув острым носиком воздух, она вдруг сморщилась. — Только чую, не один явился. Уж больно человеческим духом тянет.

Лютояр плотнее прижал меня к себе, зарываясь носом в волосы.

— Не дуркуй. Для дела надо. Через меня она твой аромат не разберёт.

Я послушно замерла, передумав возмущаться. Это был не худший способ спрятаться. Тёплый, по крайней мере.

— Не с того хозяйка начинаешь. — Велимир покачал головой. — Ты бы гостя с дороги накормила, отдохнуть, умыться дала, а потом спрашивала.

Девушка облизала губы.

— Ладно, заходи, коль такой умный.

Велимир скрылся в избушке, а мы остались стоять. Я восторженно взглянула на Лютояра.

— Теперь только ждать, пока он с хозяйкой на обратный пропуск договорится. — Пожал плечами водник.

— Долго? — Я устало ссутулила плечи. Сейчас я бы и сама не отказалась от хорошей еды и мягкой постели.

— Да кто ж её разберёт? Она ведь тоже женщина, всё от настроения зависит. Главное сутки продержаться, и яблочки её не кушать. Да не куксись, пойдём лучше землянику искать, её на этих полях пруд пруди.

При упоминании спелой сладкой ягоды у меня загорелись глаза, а в животе заурчало.

Мы с Лютояром разошлись в разные стороны, высматривая яркие красные глазки в траве. У меня даже спину заломило от усердия.

— Дурацкая земляника, где же ты... — бормотала я, приглядываясь к зарослям и приподнимая крупные листья лопуха.

— Ягодки-то любят, когда к ним ласково. Поиграешь вот так... — за спиной послышалась мелодичная трель свирели. — Они сами головки и подымут, да в руку попросятся.

Я обернулась. Если бы не мой упёртый скептицизм, я бы решила, что точно умерла и за мной спустился ангел в белых одеждах. Классический: златокудрый и голубоглазый. Видимо, откуда-то из религиозных источников моё воображение и почерпнуло сей воздушный образ.

Хозяин обволакивающего голоса был немногим старше Акулины. А то и моложе. В ладони божественного видения алела целая горсть спелой земляники.

Я сглотнула, но угощение принимать не спешила. Огляделась по сторонам — Лютояра и след простыл.

Как всегда вовремя, — раздражённо подумала я. А вдруг это очередной злодей, посягающий на мою жизнь?

— Я тут не одна. — Предупредила херувима-переростка. Он лишь очаровательно улыбнулся, сотворив ямочки на щеках.

— Знаю, душенька. Я с тобой.

Вторая рука невесомо прошла по моей скуле.

Я отшатнулась. Даже не улыбнувшись глупой шутке.

— Не бойся, я с добром. Хочешь, сыграю тебе, о чём сейчас думают поле, и река, и лес за ней?

— Ты-то откуда знаешь? И вообще, поле физически думать не может. Нечем ему. — Я с превосходством взглянула на мужчину.

Тот ошарашенно моргнул, явно сбившись с намеченного сценария. Но быстро взял себя в руки.

— Ты кушай ягодки, душенька, сам собирал, старался.

Навязчивый голод оказался сильнее здравого смысла. Кроме того, Лютояр же сказал, что местная земляника вполне съедобна.

Послушно положила красную бусину в рот и замерла от наслаждения. Сочная ягода взорвалась на языке фейерверком яркой летней сладости с лёгким освежающим послевкусием. Мгновенно захотелось ещё. Словно дикий абориген, я умяла почти всю горсть. Затем, присев на корточки, принялась искать добавки.

— Ничего вкуснее в жизни не ела!

Мужчина засмеялся, приложил к губам свирель и выдал переливчатую нежную трель.

Голод уже отступил, голова сыто кружилась, а я всё ела и ела, не в силах остановиться. И откуда их так много? Ведь не было же.

Ладони нащупали в траве тёплую кожу.

Перестав играть, блондин опустился рядом, ласково заглядывая в глаза.

— Наелась, душенька?

Его красивое мальчишеское лицо таинственно светилось в вечернем мареве.

— Не твоя печаль. — Я неловко обогнула его, но он удержал меня за плечо, предостерегая от падения.

— И откуда ты, такая смешная?

— Из реки. — Честно выложила всю правду.

— От водяного, стало быть, сбежала. Правильно, он

небось так сладко не накормит. — В лазурных глазах на миг полыхнуло алое земляничное пламя.

В этот момент я заметила ещё одну, особо крупную ягоду.

Моя попытка выдернуть руку привела к весьма плачевным результатам. Мы оба повалились в траву. Но я всё-таки, крихтя, дотянулась до богатства, зубами срывая заветный плод.

Стыда я не ощущала, только животный инстинкт охоты и жажду обладания полевой добычей. Всё ради этого яркого, сочного вкуса на языке.

Оказавшись на земле рядом со мной, мужчина и не думал ругаться. Напротив, довольно улыбаясь, он потянулся к землянике, зажатой у меня во рту.

— А чтобы истинную сладость познать, надо ягоду с милым другом разделить, и тогда...

Яркая голубоватая вспышка отбросила блондина на несколько метров, приподняв над землёй и шмякнув оземь так, что пыль пошла.

— Нужно научиться не трогать чужое, и тогда, Хель, не придётся ходить с помятой рожей. На минуту оставить нельзя. — Бушевал Лютояр, сжимая в кулаке целую пригоршню ягод. Мерцающий рубиновый сок заструился сквозь пальцы.

— Будто ты, водник, не ради грёзной земляники её сюда привёл. — Блондин тяжело поднимался, утирая кровь из разбитой губы. — Ещё скажи, не надеялся, что второй поцелуй тебе достанется!

— Достанется, обязательно. И третий тоже. — Холодно оборвал его Лютояр, присаживаясь передо мной на корточках. — Много съела?

— Нет, совсем чуть-чуть. — Я блаженно улыбнулась: лицо Купальца казалось нереальным, красивым. — Найди ещё, очень хочется.

Лютояр хмыкнул:

— А ты крепкая. По глазам вижу, что не одну горсть умяла, а до сих пор в сознании.

— Не болтай, ягоды ищи. — С маниакальным видом я шарила по траве, выискивая лакомство.

— Ты лучше спроси у него, душенька, на что он тебя у Черноока выменял. — Промурлыкал Хель.

— На что? — послушно поинтересовалась я, не отрываясь от важного поиска. Меня как-то совершенно не заботила опасная многозначительность фразы высказанной Хелем.

Лютояр резко распрямылся и шагнул к блондину, по пути наступив на обронённую свирель. С надломленным хрустом она сломалась под сапогом.

— Закрой рот, или мало тебя учил?

В одночасье над полем сошлись сизые тучи. Порыв ветра пригнул к земле траву, зашумел в далёкой листве. Вороны на крыше одинокой избушки всполошились, с хриплым карканьем облетая поле.

— Здесь тебе не река, Купалец, ты на моей вотчине. — Золотые кудри бешено развевались вокруг лица Хеля, похо-

жие на змей. Глаза потемнели, мальчишеские черты исказились до нечеловеческих.

— Лешему ты уже отомстил, девицу отбил. Со мной так просто не выйдет. У меня причины весомее будут.

— Леший сам виноват, не по чести поступил: околдовал подругу Акулины, чтобы она помешала. А что до остального, так сейчас ягода девицу отпустит и никому ничего не достанется. Отступись лучше по-хорошему. — Глаза и волосы Лютояра пылали живым огнём.

Противники в упор смотрели друг на друга.

Мерно пережёвывая очередную ягоду, я размышляла над услышанным. Тайны, интриги, загадки... Понятно, что Лютояр последовал за нами не от широкой души. Если у духов она вообще была.

И накормить вкусной земляникой тоже не просто так вывался. И от этого становилось особенно гадко. Даже зная, что он просто плод моего воображения, всё равно гадко.

Я с омерзением выплюнула остатки недоеденной ягоды. Они хоть и оставались по-прежнему вкусными, но бывшего восторга не приносили. Голова гудела, в животе залегла бетонная плита — кажется, я объелась.

Краски окружающего мира потихоньку теряли свою пестроту. И даже облик Хеля уже не казался таким уж идеальным и притягательным, в отличие от Лютояра. Этого ничего не берёт. Стоит орлом, очами грозно сверкает.

Разозлиться на обманщика не получалось, даже припом-

нив всё, что они тут обсуждали, считая, будто вогнали меня в состояние киселя.

Вместо ядрёных ругательств и обличающих аргументов в голову лезли неуместные поэтические образы и прочая романтическая чушь.

Требовалось срочно зацепиться взглядом, мыслью за что-то настоящее, живое.

Резко встав на ноги, я побежала к избушке.

Спор за спиной стих. Яркий всполох, похожий на зарницу, и больше ничего.

— Ты куда? — дальний хруст травы возвестил о преследовании.

На бегу я обернулась и тут же пожалела об этом. Сцена, развернувшаяся на зелёном просторе, походила на сюжет из фантастического боевика.

Мужчины напоминали две яростные стихии схлестнувшиеся посреди поля. По лицу и рукам Лютояра изящно струилась чешуя, похожая на зеленоватое зеркало, отражавшее вспышки молний. В ладонях купальца рождались сгустки живого пламени, оставляя в воздухе дымящиеся следы. Крошечные огоньки разлетались на многие метры, выжигая траву дочерна.

Глаза Хеля превратились в два чёрных аметиста, полностью поглотив белки. С пальцев фонтанами срывались крупные жгучие искры. Он явно готовился выдержать атаку Лютояра.

От их ударов по полю ураганом расходились вибрирующие гигантские круги, ломая цветы и сухостой. Отчаянные попытки Хеля послать волну ослепительного света, неизменно натывались на стену ревущего пламени. Столкновение порождало невыносимый грохот, от которого у меня заложило уши.

Единственный тонкий луч сумевший просочиться сквозь пляшущий огонь, угодил Лютояру в грудь.

Отдача была такой, что Хеля отбросило в сторону. Купалец разозлился не на шутку.

Широкоплечая фигура начала расти, искажаясь. Вокруг него закручивался вихрь из плотных серых облаков и молний. Он повернул ко мне гневное лицо, и я застыла от ужаса. Два аквамариновых омуты глаз прожигали насквозь. Меня натурально прошило током, даже волосы встали дыбом, а по коже побежали нездоровые мурашки.

В тот же миг небо раскололось. Очередной громовой раскат ударил так близко, что я почувствовала жар молнии на щеке. А потом хлынул ливень, стеной воды обрушиваясь с небес. Потоки хлестали по лицу, мгновенно промочив одежду до нитки.

Дождь был ледяным, он сбивал дыхание, гасил последние искорки магии Хеля, смывал сладкие земляничные чары.

Я припустила в противоположную от Лютояра сторону. Чтоб у меня язык отсох, если ещё хоть раз рискну есть какие-нибудь дикие ягоды!

Продолжая бежать, я не сразу поняла, что всё это время лишь топчусь на одном месте, увязая в мокрой траве, словно в трясине. Рванулась изо всех сил, но пейзаж вокруг не сдвинулся ни на метр. Воздух загустел и застыл. Магия замерла красивыми яркими пятнами, словно картина какого-нибудь талантливого импрессиониста.

Что происходит? — Каждая травинка вокруг убеждала меня, что я сплю. Но во сне нельзя промокнуть насквозь и ощущать холод, пробирающий до костей. Так просто не бывает.

На всякий случай я ещё раз ущипнула себя за локоть. Проснуться не проснулась, зато боль прогнала остатки ягд-ной дымки из головы. Если больно, значит, точно не сон. Или это какой-то новый уровень осознанных сновидений?

— Не гоже со своими законами на чужую вотчину посягать, а иначе спасения вам не видать. Здесь моя земля, пограничная, и шум наводить — не позволю.

На крыльце избушки стояла хозяйка дома, грозно уперев руки в бока. За её плечом маячил Велимир, сжимая кулон, висевший на шее. Он явно не ожидал увидеть такое эпическое побоище.

Разошедшийся ливень не касался их. Я видела, как тяжёлые капли разбивались о невидимую преграду прямо над их головами, превращаясь в хрустальную пыль.

У всего здесь — свои правила. У дождя, у времени... у людей. У моего тела. Логика сна не выдерживала никакой кри-

тики, но другого приемлемого объяснения у меня не было.

— Дурьи ваши головы! Ни один век уж разменяли, а ведёте себя как люди несмышлёные.

Голос женщины зазвенел, обретая форму, и устремился к соперникам, застывшим на поле в самый разгар сражения. Они явно слышали его, но сделать ничего не могли.

Интересно, про век — это она всерьёз или фигура речи такая? Предпочитаю думать, что второе.

Хозяйка избушки звонко хлопнула в ладоши, и стихия смолкла. На высоком небе опять робко забрезжило солнышко.

После следующего хлопка Лютояр и Хель исчезли. Один отправился обратно к реке, второй растворился среди трав.

Испарились. Просто взяли и исчезли. Как персонажи в компьютерной игре. А что, если эта женщина и есть главный злой гений в моём личном аду? Надо присмотреться поближе: может, она похожа на мою первую учительницу по математике?

Злодейка повернулась ко мне, и я инстинктивно вжала голову в плечи.

— Ишь, девку не поделили, будто для них сюда приведена была.

При этих словах Велимир помрачнел и отвернулся.

Так я здесь не по своей воле. Просто фишка в чьей-то странной игре. А Велимир всё знает, потому и глаза прячет? От этих мыслей голова шла кругом.

— Ну чего застыла? — её голос смягчился. — Иди сюда.

Меня нетерпеливо поманили указательным пальцем с рубиновым перстнем на нём.

Глава 5 К лесу задом, к ре

В старой избушке всё было до странности знакомо, точно я уже бывала здесь — не в этой жизни, а в какой-то другой, давно забытой. Запах сухого чабреца, мяты и ещё чего-то терпкого оживлял детские летние воспоминания. Так часто пахли старые книги, забытые мной на солнцепёке. К этому коктейлю примешивался аромат свежих пирогов, только-только вынутых из печи.

Всё это теребило в душе особые ностальгичные струны, рождая приятные и тёплые чувства. Несмотря на внутреннее мрачное убранство, хотелось довериться этому дому, разделить свои беды и радости.

— Кто с миром пришёл, тому — стол ломится, а кто шумливый — враз присмирееет. — Хозяйка сердито оглянулась через плечо, в сторону опустевшего поля.

Затем прищурила ясные очи, и под её взглядом на щербатом столе начали стремительно прорастать крынки, миски и тарелки, полные разной снеди. В центре возвышался пузатый горшок с дымящейся кашей, а рядом — плошка с мочёной брусникой.

Я сглотнула вязкую слюну, нечеловеческим усилием воли удержав себя, чтобы не накинуться на горку аппетитных грибов, похожих на крошечные солёные мухоморы.

Глянула на Велимира, он тоже не мог оторвать взора от

яств, под которыми уже было не разглядеть грубых, выскобленных досок столешницы.

Собранность и осторожность этого человека буквально поражали. — Зачем так напрягаться? мы же во сне, или всё-таки нет?

— Я от всякой гадости заговорённый, так что ничего не трогай, пока я не попробую. — Безапелляционно заявил он, не поворачивая головы.

Хозяйка самоуверенно усмехнулась.

— Откушайте чем лес да поле богаты. Мне вас травить ни к чему.

Пустой желудок убедительно просил поверить женщине, а не осторожному Велимиру, так что я села за стол. Отметив по пути, что такие трещины сбоку, похожие на паутину, я уже видела, причём с того же ракурса и довольно близко.

Велимир последовал моему примеру и сел рядом, не вторгаясь в личное пространство, но внимательно наблюдая за каждым моим действием.

Обычно так поступают телохранители, а не случайные попутчики, в сущности, чужие друг другу. Подобное поведение вызвало у меня неожиданный приступ веселья. Захотелось немного поддеть серьёзного юношу.

Я капризно ткнула пальцем в сторону мухоморов. — Думаю начать с этого.

Ожидаемо Велимир первым протянул руку, наколот на двузубую вилку блестящий гриб и сунул в рот. От его стра-

дальческого выражения лица даже я сморщилась.

— Нет, пожалуй, это есть не буду, лучше вон те зелёные листочки

Не дав мне договорить, Велимир засунул пару травинок в рот, с трудом прожевал, затем кивнул.

Я пригубила местное кушанье, оказавшееся на редкость кислым, и покачала головой.— Невкусно. Может, вон тот деликатес?

— Лягушачья икра на шкурке. — Услужливо подсказала хозяйка, наблюдавшая за нами словно бабушка за любимыми внуками, подперев щёку кулаком.

Велимир зыркнул на меня так, что поджилки затряслись. Устыдившись собственного ребяческого порыва, я перестала издеваться.

— Давай пирог? — примирительно указала я на глиняное блюдо, обнимавшее плетёную румяную выпечку с мясом.

Велимир оторвал кусочек и отправил в рот. Удовлетворённо покивав головой.

— А то! — обрадовалась хозяйка дома. — Молодой вот вроде тебя был... вкусный.

Велимир шумно подавился пирогом. Я участливо похлопала беднягу по спине.

— Кто вкусный? — спросила я, страшась услышать ответ.

— Бычок молодой. Кто же ещё? — громко засмеялась хозяйка и придвинула к нам плошку, полную золотых блестящих яблок с перламутровыми розовыми бочками. — Вот

съешьте лучше, из собственного сада.

Я вопросительно глянула на Велимира, но тот отстранился от стола, сердито сложив руки на груди. — Спасибо, я уже наелся.

— А если оно плохо на меня повлияет? — я озорно покрутила яблоком перед лицом Велимира.

— А и пусть, может, отобьёт охоту издеваться и чужую помощь уважать научит. — Он с нарочитым равнодушием уставился на меня, ожидая дальнейших действий.

Кроме странного цвета, ничего подозрительного от фрукта в моей руке я не ощущала, пах он как самая обычная антоновка. Поэтому собралась смело попробовать кусочек.

Вызов в моём взгляде наткнулся на острое осуждение тёмных агатовых глаз. Напряжение между нами росло с каждой секундой. Круглый блестящий плод, как в замедленной съёмке, приближался к моему рту. Я облизнула губы в предвкушении. Лицо мужчины застыло.

Донести кушанье до цели я не успела: с тяжким вздохом Велимир отобрал у меня лакомство.

— Из-за тебя я веду себя как паяц. — Буркнул он и с хрустом откусил сразу половину, отвернувшись в сторону и раздражённо жуя.

— Кто?

— Как дурак! — Велимир не глядя отхватил вторую половину яблока.

Честно говоря, по какой-то странной логике рядом с ним

я тоже начинала вести себя не как девушка, а как расшалившийся ребёнок.

— Запретный плод всегда сладок. — Ни с того ни с сего заявила хозяйка дома, удовлетворённо наблюдая, как Велимир с удовольствием доедает яблоко и тянется за следующим.

Я тоже хотела взять одно, но плошка сама собой отскочила от меня в сторону, неприятно скребнув по столу.

— Не надо тебе: у нас с тобой ещё разговор будет серьёзный, бабский, по душам.

«Сейчас только молодца дрёма приберёт», — странный тонкий голосок зашептал в моей голове.

На колени к сонному Велимиру вскочил чёрный поджарый кот. Из тех, что обычно верховодят во дворах и на помо́йках. Одно ухо было фигурно подрано. В шерсти мощных лап мелькали толстые крючья когтей.

Заворковав, как над младенцем, я ласково потянулась погладить животину. Два жёлтых фонаря осуждающе уставились на меня, предупреждая, что лучше остановиться, если конечность дорога.

— Хрумка — главный в избе воевода. — Хозяйка обласкала кота взглядом.

— Этих пока есть нельзя. Не созрели ещё. — Промурлыкал всё тот же тонкий голос, который слышала только я и который, очевидно, принадлежал не иначе чем коту.

Его хозяйка погрозила питомцу пальцем.

Велимир придирчиво разглядывал живность, оккупировавшую его колени. Наконец, он изрёк плохо слушающимся языком:

— Почему Хрумка?

— Потому что после того, как мясо съедено, котик косточками задорно так хрустит. Хрум, хрум.

И вновь хозяйка веселилась в одиночестве, да ещё сам Хрумка подмигнул мне жёлтым круглым глазом. Ну или во всяком случае это было очень похоже. Кошки ведь не подмигивают.

Велимир поспешно спихнул опасного зверя на пол. Тот зашипел, но настаивать не стал. Ушёл, ворча, на печь.

— Не обижай животину. На вот лучше, съешь ещё яблочко, коль они тебе по нраву.

Велимир кивнул, однако голова его после третьей порции стала клониться вниз.

— Спи, касатик. Так и знала, что ничего путного Векша против яблочек моих не придумает. — Хозяйка повела рукой, притулив тяжёлую голову мужчины к углу и прикрыв его потёртой рогожкой, словно пледом.

— А хвалился, что заговорённый. — Передразнила я спящего. — Ерунда это всё. Самовнушение.

— А ты, девка, особо-то хвостом не виляй. Люб тебе он, не люб — всё одно: забудь!

От такого напора я стушеввалась.

— И мыслей подобных не было. Нет, есть в нём что-то,

конечно, даже не знаю...

— Оно и видно. — Хозяйка хмыкнула. — Знамо дело, есть. Так вот: не по тебе колос вырос, не тебе и молотить.

— Да вы что! Это же просто игра! — Меня душил смех, я откровенно не понимала, отчего обычный флирт, на который в нашем мире никто уже давно не обращал внимания, вызвал такой отклик у хозяйки избы.

— Думаешь, шутки шучу, Ада? — Грубо прервала меня женщина. — Не для того я душу твою призвала, чтобы младень вроде тебя спрядённые нити судеб узлами путала.

Хихикать вмиг расхотелось. Я смотрела на собеседницу, открыв от удивления рот.

— Ну чего уставилась как кикимора на мухомор? Не трожь понапрасну молодца, не то на весь свой род проклятье навлечёшь. Уяснила?

Причём тут мои славные предки, я, разумеется, не поняла, но на всякий случай кивнула.

— Как ты меня назвала?

— Будто своё имя не знаешь! — разошлась женщина. — Вы там в будущем все такие тугоумные? Али только мне так повезло?

Обида вспыхнула и тут же погасла, задавленная изумлением. Я смотрела на женщину передо мной, и мир вокруг вдруг показался декорацией к спектаклю, в котором мне забыли выдать сценарий.

— Ты хочешь сказать, что всё, что со мной происходит —

по твоей вине?

Хозяйка буднично пожала плечами, будто не её слова сейчас в очередной раз перевернули мою жизнь с ног на голову. — Можно и так сказать. У нас теперь такие дела творятся, что впору избу сносить, и пушай, ходит, кто хошь. Всё равно скоро границы все разлетятся окончательно, и тогда порядку конец, и мне конец, и спокойствию человеческому тоже. Если только ты не сдюжишь и Черноока не угомонишь.

В висках зашумело. Я зажмурилась, растирая лоб пальцами. Имя Черноок я уже слышала однажды из уст Хеля, но тогда, под действием земляничных чар, значения не придавала.

— Ну почему именно мне снится такая

— Да не сон, это, не сон. Очнись уже, тетеря! — Нетерпеливо осадила меня женщина, поправляя косу. — Есть у вас в роду особенность, кровная связь с миром духов. — Хозяйка пальцем указала на гребень, после всех приключений, по-прежнему торчавший у меня за поясом.

— Да. Бабушка мне все уши прожужжала про наши русальи корни. — Я взяла со стола пустую кружку и принялась вертеть её в руках, чтобы отсечь бредовые мысли, осаждавшие сознание. Успокоиться и начать мыслить здраво, как привыкла.

— А бабуля-то у тебя, видать, сметливая, зря не слушаешь. Только вот по поводу русалок она заблуждается. Не совсем оно так.

Была у доброго Сварожича, отца правьего, краса, дочка

— Живеюшка. Посватался к ней окаянный Черноок навий сын. Убедил Сварожича Живею выдать, хотел сразу в двух мирах верховодить. Втёрся в доверие, опоил зелием тёмным, тот и согласился.

А Живеюшка не будь дурна, сбежала к людям, да полюбилась там с добрым молодцем. Дитя у них зародилось. Да только люди в отличие от духов ох непостоянные. Как узнал молодец про дитя, так и дал дёру. Живея от горя ушла в подводное царство. Спряталась там от Чернооковых прислужников.

Как дочка родилась, она её людям и отнесла, чтобы хоть она жила в мире и покое. Гребешок ей свой подарила и серёжки. И всё бы хорошо, только нашёл её проклятый Черноок и заточил за измену в своём замке. А уж опосля, со злости, решил все три части мира себе подчинить.

Чтобы явь тоже под ним стала нужна ему душа, которая может по обе стороны жить, как якорь служить и проход для него открыть. Потому ищет он дочку Живееву, чтобы на моё место поставить.

В мозгу словно включили кран с ключевой водой. Бурный поток смыл всё лишнее, обнажая чёткую картинку произошедшего, от которой волосы на голове любого нормального человека вставали дыбом.

— Так, он Акулину ищет. — С ужасом прошептала я, прижимая ладони к щекам.

Хозяйка утвердительно кивнула.

— Она получается моя, наша

— Прабабка. — Буднично подсказала женщина. — Девушка хорошая, да больно мягкотелая и суеверная. Не справится. Ты побойчее будешь, опыт разный в жизни изведать успела, у вас там в будущем, всё быстро приходит. Да и реальность близко в душу не пускаешь. Тебя колдовством не напугать, не совратить. Так уж вышло. Вот и позвала тебя, кто ещё родне поможет?

— Что же с Акулиной теперь сделалось? Она в будущее попала? — голос сорвался на писк, когда я представила некрепкую девичью психику под влиянием бабушки и интернета.

Но хозяйка качнула головой. И этот жест ударом прошёл по солнечному сплетению выбивая воздух.

— Получается, придя сюда, я убила её?! — локоть неловко толкнул пустую кружку, и она, громыная, покатила по столу. Велимир поёрзал на месте, устраиваясь поудобнее.

— Будет тебе чепуху молоть. Если бы ты свою прабабку убила, то сама здесь бы не сидела. Спит она безмятежно. Коль решишь делу помочь, доверюсь честному слову твоему, дам с собой её душу. Как справишь мой наказ, так и вернётесь на места, и она, и ты.

— Так у меня есть выбор?

— Выбор есть у каждого. Откажешься, схитришь — много живых существ на гибель обречёшь. Ты обмозгуй эту мысль на сон грядущий, а завтра поговорим.

С этими словами меня проводили к лежанке на печи, которую уже грел пушистый Хрумка.

Думала, после услышанного сон ко мне вовсе не придёт. Достала бабушкин гребень, единственную реальную вещь во всём этом безумии — и повертела в пальцах. На вид обычная вещь, семейная реликвия, в сущности, безделица.

Рассматривая узоры и жемчуг, вставленный в рукоять, я мерно покачивалась на сонных волнах, плавно и безмятежно. После застолья, не съев ни крошки, меня, на удивление, быстро обняла сытая дрёма.

Слова, сказанные хозяйкой дома, снова казались смешными и неправдоподобными: я твою душу призывалне трожь молодца проклятье на весь род

Я фыркнула про себя. — Велимир странный малый, закрытый, но кажется добрый.

Перед внутренним взором сам собой всплыло его лицо, как он смотрел на меня после неудачной шутки за столом. Из-за тебя я веду себя как дурак. Нет, он не так сказал, как паяц, да.

Я вновь тихонько прыснула и тут же устыдилась собственного ребячества за ужином и теперешнего неуместного веселья. Судя потому, что я уже который день не могу покинуть сей реалистичный мир грёз, хозяйка не шутит. А значит за мной действительно охотится местный тёмный божок. Вот о чём в действительности надо подумать. Я ведь даже не узнала, что ценного скрыто в гребне и в серьгах, которые теперь

у Велемира. Имя мужчины мгновенно породило навязчивое желание подразнить его завтра утром по этому поводу.

Кот в ногах мурчал как трактор, я тоже закрыла глаза, проваливаясь в сон без сновидений.

— Просыпайся, свет мой, открой очи соколиные, да вкуси ласки моей. Замёрзло сердечко, застудилось совсем, отогреться ему надобно, страдает, беснуется в тесноте.

Я распахнула глаза. В избушке сгустилась плотная, почти осязаемая ночная тьма. Окна и двери, наглухо закрытые ставнями, не давали лунному свету ни единого шанса. Мир сжался до крошечного пятка света от лучины, и в этом круге творилось что-то страшное.

Хозяйка дома склонилась над Велимиром. Её фигура отбрасывала на стену уродливую, изломанную тень. В руках она держала серебряный кубок, от которого исходил едва заметный пар. Верхняя пуговка на её лифе была призывно растёгнута.

Велимир слабо пошевелился во сне. Его рука дёрнулась, отгоняя женщину, словно назойливое насекомое, по пути толкнув кубок. Тёмные, маслянистые капли побежали по серебряным бокам, с шипением падая на пол.

Хозяйка лишь игриво рассмеялась сухим голосом, похожим на треск веток под ногами.

— В баньку тебе надобно сходить, сокол ясный. Она поможет, все хвори, все думы нелёгкие выгонит.

— И не старайся, нежить. — Голос Велимира прозвучал

глухо, но твёрдо. — Амулет не сниму. Ты только и ждёшь момента закусить и косточки мои обглодать.

Он сложил руки на груди, скрывая сердце от жадного взгляда. Я видела, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих под одеждой невидимый оберег. С презрительной усмешкой он взирал на женщину.

Она притворно стушевалась, отступая на шаг.

— Ну что ты, врут все люди, наговаривают. Я пальцем ещё никого не тронула.

Хозяйка распрямилась, расправила складки платья.

— Знаю, сокол, чего душа твоя просит. — Её голос изменился, стал ниже, бархатнее.

Высокая фигура встрепенулась, повела плечами, будто стряхивая с себя старую одежду. И вот на колени к Велимиру присела уже не пышногрудая блондинка а я — то есть Акулина — такая, как в день купальского праздника: с венком и двумя пышными косами.

Какой же беззащитной она выглядела. Сама нежность, воплощённая в хрупком теле. Она светилась изнутри мягким, тёплым светом. Огромные оленьи глаза смотрели на Велимира с такой безграничной любовью и доверием, что даже у меня перехватило дыхание.

Неудивительно, что всех тянет ей помочь и защитить.

Я с силой зажмурилась и до боли прикусила рукав сорочки, пытаясь болью прогнать наваждение. Но оно и не думало исчезать.

— Вижу, угодила. — Голос, шедший из уст видения звучал хищно и чуждо. Чувственные губы изогнулись в многообещающей улыбке.

Велимир помрачнел. Он смотрел на копию Акулины не как мужчина на женщину, а как воин на опасного противника. Долю секунды он, не отрываясь, смотрел на видение, размышляя о чём-то явно личном и болезненном, затем одним грубым движением толкнул девушку с колен.

Она попятилась, разливая вино из кубка, по пути от души приложившись о массивный край стола. Даже у меня бок заныл. Я тихонько поёрзала на месте.

— Не угодила. — Брезгливо обронил мужчина. — Акулина никогда бы не повела себя столь неподобающе.

Сердце заныло от щемящей нежности и благодарности к такому светлому и немного наивному, по современным меркам, юноше. Жаль, что мы на самом деле живём в разных реальностях. Я бы не отказалась иметь такого старшего брата.

Не двигаясь с места, хозяйка дома протянула враз удлинившуюся руку, схватив Велимира за горло.

— Не хочешь по-хорошему — даром всё отдашь! — визгливо прошипела она.

Лучина погасла. В крошечной тьме зелёный мертвенный всполох осветил морщинистое лицо Улиты. Сгорбившись, она без видимых усилий поднимала брыкающегося Велимира всё выше над полом.

Охнув, я попыталась броситься на помощь, но звук не

шёл, руки молотили по воздуху, ставшему вдруг осязаемым, словно вата. Время опять застыло.

И в этот прозрачный кисель, сгустившийся в избушке, ядром ворвался громкий стук. Бревенчатые стены заходили ходуном, с потолка посыпалась труха.

Улита резко, по-совиному повернула голову к дверям. Сруб ответил протяжным стоном, сотрясаясь до самого основания и и громовой голос Лютояра приказал:

— А ну, изба! Становись по-старому, как мать поставила! К реке передом, к лесу задом!

Стол поехал в сторону, посуда с грохотом попадала на пол. Кот спрыгнул с печи, его шерсть стояла дыбом, он шипел и рычал на невидимого врага, пытаясь помочь хозяйке удержать магию.

Улита закричала, от натуги обнажив кривые гнилые зубы. Она явно силилась не дать избе выполнить приказ. Бедное строение шаталось и стонало, вещи попрыгали со своих мест, катаясь по полу в хаотичном беспорядке. Лютояр на улице раз за разом повторял заветные слова, всё громче стуча в дверь.

Одновременно бороться против двух мужчин у Улиты явно не хватало сил.

Велимир высвободился и, отшвырнув кота, вцепившегося в ногу, бросился ко мне. И вовремя. Печь пошатнулась, я ухнула вниз. Крепкие руки поймали меня, на мгновение прижав к груди.

Тёмные глаза лихорадочно осматривали девичье лицо.

— Испугалась?

— Нет. — почему-то говорить я могла только шёпотом. Видимо, сказывалось напряжение и удар о его плечо при падении.

— Уходить надо! — Велимир уже поставил меня на ноги и сунул в руку выпавший на лету гребень.

В этот миг дверь с треском отлетела в сторону. Растрёпанная Улита тяжело осела на пол.

Багровые всполохи очертили широкоплечую фигуру Лютояра, вальяжно упиравшуюся в дверной косяк.

Взбешённый и вдвойне опасный водник, притягивал взгляд.

— Поди, не ждали уж меня? — Нахальная усмешка искривила точёные губы. — Думала, старая, так просто купальца одолеть?

Он неторопливо оглядел собравшихся, задержавшись на руке Велимира, обнимавшего меня за плечи.

— Далеко собрались, голубки? — с угрозой произнёс Лютояр, наступая.

— Не твоя печаль. — Огрызнулся Велимир.

— Лучше не зли меня, человек. Я сегодня не в настроении.

Улита тяжело поднялась на ноги.

— За дерзость свою и посягательство на стража наказан будешь.

Её томный, текущий голос вдруг стал похож на скрежет векового дуба или вой зимнего ветра.

— Ой ли. — Отмахнулся Лютояр, бесстрашно уперев руки в бока. — Сварожич сон глубокий видит, Живея в цепях. Кому меня судить? Черноок только спасибо скажет, если я с тобой, карга, разберусь, у него заноз меньше останется.

— Э нет. Я не враг тёмному. Стражи всегда нейтралитет держали.

— Нейтралитет? — водник издевательски хмыкнул. — Именно поэтому ты сделала, что сделала? — Лютояр кивком указал на меня, неосознанно прижавшуюся к тёплому боку Велимира.

В ответ Велимир ободряюще сжал моё плечо.

Обстановка в избе и так была не слишком спокойной, а сейчас в ней буквально не осталось свободного воздуха, не отравленного напряжением.

Я решилась на отчаянный шаг.

— Улита, не наказывай Лютояра, он хотел как лучше. Там, на поле, я голодная была.

Головы присутствующих обернулись ко мне, стараясь понять, что я имею в виду. По выражению их лиц, неразумное дитя сморозило какую-то глупость.

— Не лезла бы ты. Пускай свои собаки дерутся, а нам уйти домой без лишнего шума надо. — Шёпотом предостерёг меня Велимир.

— Улита? — Женщина отмерла и зашлась хриплым сме-

хом. — Она-то как раз против была, не хотела, чтобы я временницу перематывала.

— Сёстры! Стражи-перевёртыши, как же я не догадался! — Вновь с жаром зашептал Велимир, где-то над моим правым виском.

— Верно мыслишь, касатик. Улита — душа бескорыстная. Я же, наоборот, буду. Имя мне — Ядвия.

Ссутуленные плечи расправились. — Людей не люблю, то правда, они лишь на корм хороши, но вам помогу, ради общего блага и моего в том числе.

— Вы разрешите мне сразу вернуться домой? — с надеждой спросила я.

Но Ядвия только фыркнула. — Вот потому и говорю, что, кроме корма, ни на что вы не годитесь. Не видать тебе дома, пока не выполнишь то, что требуется. С Чернооком тягаться силёнок не хватит, а вот разбудить Сварожича своей силой и кровью родственной ты, пожалуй, сможешь. Уж он-то приструнит негодного.

Неодобрительно хмыкнув, Ядвия сняла с шеи шнурок с тонким стеклянным флаконом, похожим на древнюю амфору. Внутри тёплым светом золотилась круглая бусина.

— А чтобы мыслей крамольных раньше времени не закралось, отдам я ключ к твоему возвращению Лютояру. Он и за тобой присмотрит, и драгоценный дар сбережёт.

— А что, если Лютояр захочет мне помочь раньше срока? — Я очаровательно улыбнулась купальцу. Тот лишь иронич-

но приподнял бровь.

Ядвига опять рассмеялась. — Я этого прохвоста давненько знаю. Смотрю вот на вас, и сдаётся мне, что ты его ещё умолять тебя отпустить будешь. Только гляди, девка, Купалец — не человек. Кто в его сердце огонь засветит, навсегда ему принадлежать станет. Подумай хорошо, надо ли оно тебе?

Я снова мельком взглянула на Лютояра. Красавчик озорно подмигнул и, не раздумывая, нацепил кулон. Он явно знал, что там внутри ещё одна живая душа. Но высказываться не спешил, адресуя мне хитрые, игривые взгляды. Мол, никуда ты теперь от меня не денешься.

— Куда путь держать? — вмешался Велимир, явно раздражённый последними словами Ядвии и поведением Лютояра в целом.

Хозяйка избы лишь плечами пожала:

— Так знамо куда: в Гнетень-горы, вотчину Черноокову. Среди чёрного камня Сварожича крепкий сон сковал. В глубоких недрах и Живея томится.

— Долго отсюда? — полюбопытствовала я, понимая, что босиком в одном летнем платье далеко не дойду.

— По тропке, а там через болотце, оно выведет.

— А если подробнее? Может, карту какую дашь? И ты не сказала, как нам этого Сварожича найти и разбудить. А гребень мне зачем?

Я сыпала вопросами, чувствуя, что гостеприимство хозяйки дома на исходе.

Ядвига посмотрела на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Карту? — недоверчиво переспросила она. — В Гнеть-горах карты не помогут. Там тропы меняются, как нитки в руках кружевниц. Заблудишься и сгинешь.

Она медленно поднялась со своего места и шагнула ко мне. Я невольно отступила на шаг, но хозяйка лишь протянула руку и коснулась гребня, зажатого в ладони.

— Кровь от крови, из рода в род,

Сила древняя идёт.

Злые мысли соберёт,

В узел свяжет, путь укажет.

Сквозь время и тьму,

Сквозь сон и беду,

Сквозь пламя и лёд

Судьбу повернёт.

Чары разрушит

На воде и на суше.

Слово моё крепко, как камень,

Разгорись, заклятий пламень!

В конце её голос стал тише, зазвучали тёмные нотки тайной силы. Гребель бледно вспыхнул и затих. Лишь слабая вибрация ходила по рукояти.

Я нахмурилась, пытаюсь уловить суть. — И что мне с ним делать? Причесать спящего бога?

— Всё вам разжуй, да в рот положи. — Устало вздохнула Ядвия. — Когда придёт час, гребень сам подскажет. А остальное юный ведун и дух купальский подскажут, зря что ли с тобой тащатся.

С досады хотелось скрипеть зубами. Терпеть не могла жить по обстоятельствам, слепо завися от кого-то и совершенно не понимая, как и чем действовать.

— Прежде чем выпроваживать, дай девице одежду хоть

какую, негоже по корягам и кустам босой лазить. — Неожиданно подал голос Лютояр.

— Нет у меня нарядов. Духам гардероб ни к чему. — Отмахнулась Ядвия.

Моё терпение лопнуло. Я шагнула к хозяйке избы, встала на цыпочки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, и прошипела ей в самый нос:

— Ты меня из моего мира вытащить сумела, вот и одежду приличную мне достать изволь!

Ядвия пожевала губами, оценивая справедливость моих притязаний. Затем потянула меня за печь. Там в углу стоял пузатый закопчённый котелок, источавший запах тины и прелой листвы.

Велимир тоже хотел идти, но Ядвия предостерегающе выставила ладонь, и юноша, поразмыслив, решил не вмешиваться. Но далеко не ушёл. Стоял, чутко прислушиваясь.

Ядвия склонилась над котелком. Её пальцы с длинными ногтями погрузились в бурую, маслянистую воду. Она размешала её против часовой стрелки, шепча что-то неразборчивое. Затем сорвала со стены пучок сухих белых цветов и бросила их в варево. Цветы зашипели, как масло на раскалённой сковороде.

— Я тебе не фокусник на ярмарке, красоты не обещаю. — Проворчала она, не поднимая головы.

— Да мне главное, чтобы удобно. Штаны да кофту потеплее. И обувь без каблука.

— И где видано, чтобы девица в брюках расхаживала? — Продолжала бубнить Ядвия, шуруя рукой в котле. Вода в нём вдруг забурилась, хотя огня под ним не было, следом повалил густой пар, запахло озоном и болотом.

Оставалось надеяться, что вещи не провоняют тиной.

Наконец, одну за другой Ядвия вытащила скомканные тряпки. Расправила и подала мне.

Сказать, что я была удивлена, — ничего не сказать.

Конечно, брендовые джинсы и худи я не ожидала, но то, что выпало, вызывало невольный смех. Хотя, возможно, по местным меркам это было красиво. Чтобы не обижать хозяйку, решила не торговаться, а надеть чёрные узкие брюки, расшитые крупными цветами, отчаянно напоминавшими хохломскую роспись. Ткань приятно холодила кожу.

Широкая белая кофта была не по размеру и всё время игриво скатывалась с худенького острого плеча Акулины, ставшее теперь моим собственным.

Но краше всех были сапоги, мягкие, из тонкой кожи, с выдавленным орнаментом по голенищу.

— Довольна? — Ядвия снисходительно взирала на обновки.

— Вполне. — Дипломатично отозвалась я, засовывая гребень в карман брюк и выходя в свет.

Завидев меня, Лютояр восхищённо присвистнул. Стремительно обошёл меня по кругу, как хищник, оценивающий добычу.

Придвинувшись так близко, что в нос проник аромат утренней росы, смешавшийся с тонкими нотами белых полевых цветов и терпкой влажностью речного тумана от его волос, этот невозможный тип прошептал мне на ухо:

— Уговор отменяется. Лучше сразу беги, потому как я тебя, краса, не отпущу, даже если ты весь наш мир вверх ногами перевернёшь.

Лицо мигом вспыхнуло от столь явного, наглого восхищения. Я отшатнулась, тут же наткнувшись взглядом на Велимира.

Он ничего не сказал, просто смотрел — долго и пронзительно. В его взгляде смешались восхищение и какая-то глубокая, затаённая грусть. Подобно мне он густо покраснел и отвёл глаза, уставившись в пол с таким видом, будто нашёл в старых досках что-то невероятно важное.

После такой говорящей реакции я сразу перестала чувствовать себя хиппи-подростком и уверенно расправила плечи.

— Спасибо.

Ядвиг лишь небрежно махнула на меня рукой.

— В добрый путь. — Властно произнесла она, разводя ладони в стороны.

Пол ушёл из-под ног. Я инстинктивно схватилась за первое, что попало под руку, то есть за локоть Лютояра. Его кожа обжигала даже через одежду. Сзади в затылок уже сопел Велимир.

Пространство начало искажаться. Стены поплыли и растянулись.

Избушка снова вращалась.

Глава 6 Песнь гиблого сада

Избушка выплюнула нас, словно пустую скорлупу от семечек. Каждого в свою сторону.

Я резко упала в смердящую, липкую тьму, полную влажного запаха гниющих яблок, и задержала дыхание, стараясь ещё хоть на мгновение отсрочить близкое знакомство с местным сладковатым воздухом.

Главное — не паниковать, — бодро сказала я сама себе и поднялась. Пелена не спала, глаза наотрез отказывались служить, обострив до предела остальные чувства.

Наверное, так себя чувствует слепой человек, оставшись один на один с оживлённой улицей. Врагу не пожелаешь.

Холодный пот скатился по спине. Где-то в стороне слышался тоненький девичий плач, больше похожий на стон:

Во мраке юность вольная проходит день за днём.

К солистке скорбящего хора постепенно примешивались голоса других плакальщиц:

Тому, кто попадёт к нам, мы песнь свою поём.

Некто очень несчастный сетовал на свою судьбу-злодейку:

Сквозь лиц кору и ветви голые спасения не видно нам,

Нас тянет ноша не весёлая, любви мы осквернили храм.

Среди чернильного сумрака блеклым золотом засветились сотни яблок. Тех самых, которыми потчевали нас с Велимиром в избе Ядвии.

Я обрадовалась им, как актриса Оскару. Эти небольшие огоньки подтверждали, что зрение меня ещё не покинуло. Круглые маячки мерно покачивались на невидимых ветвях, разливая по телу уютное спокойствие.

Будь милосерден, добрый странник, и мимо ты не проходи,

Сорви плоды и души грешниц от гнёта тьмы освободи.

Последний вздох загадочных страдалиц получился таким тяжким и усталым, что я, не долго думая, сделала шаг навстречу единственному источнику света и с треском рванула вниз ближайший плод. Яблоко тотчас погасло, а моя рука встретила лишь пустоту. Плоды таяли, как миражи, оставляя после себя лишь эхо голосов:

Ах, странник, не оставь нас, милый,

Услышь наш плач, наш тихий стон,

Сорви плоды, вдохни в нас силы,

И тотчас в землю мы уйдём...

Рука тут же потянулась за следующим. Я методично металась среди мерцающих фруктов, пытаюсь сорвать хотя бы один. Но каждый раз пальцы проходили насквозь, пронзая иллюзию. Не знаю, была ли моя помощь эффективной, но чувствовала я себя в процессе по меньшей мере спасителем мира, а по большей — самим Богом, спустившимся в чистилище. Теперь я в точности знала, как оно выглядит.

— Ещё, ещё! — И мои, мои тоже сорви!

Голоса подбадривали меня, заставляя улыбаться. Правда,

радость была недолгой: стоило расправиться с последним яблоком, как они начали множиться и отрастать вновь, с удвоенной силой прибывая к земле незримые ветви.

Грешницы перестали быть ласковыми, зашипев как побитые гусыни:

— Ты! Ты сделал только хуже, странник! За это мы утащим тебя с собой, ты станешь одним из нас!

В панике я бросилась бежать, без конца цепляясь и царапаясь обо что-то острое, похожее на ножи.

Визг и проклятия преследовали меня. Твёрдый аркан схватил за волосы, приподнимая над землёй. Я дёрнулась что есть сил и впечаталась в очередное препятствие, зашаталась, выдрав приличный клочок волос.

Из темноты выступил точёный мужской подбородок.

— А вот и второй. — Шепнул хриплый баритон.

Тёплые губы коснулись моих так нежно и трепетно, что я затаила дыхание.

Подрагивающие ладони бережно очертили изгибы моей фигуры. Не удивлюсь, если гость из тьмы решил, будто бледная кожа под непривычной для местных обтягивающей одеждой вылеплена из хрупкого фарфора.

Голоса грешниц стали тише и глуше. Леденящий холод уступил место жару, зародившемуся в животе и раскатами огненной лавы стекавшему к стопам.

Я видела этого мужчину всего третий раз, если не считать наших реальных встреч в моём привычном мире, но мне от-

чаянно хотелось отозваться, показать, что наши желания текут на одной волне. Вот только всё происходящее не могло быть правдой. И слишком увлекаться иллюзиями мне не стоило.

Не прерывая томного поцелуя, я рискнула приоткрыть один глаз.

Лютояр неотрывно смотрел на меня. Золотистые прожилки окружили радужки, напоминая расплавленный янтарь, таинственно светившийся в морских водах.

Пространство вокруг тоже обрело более явные черты. Мы стояли, тесно прижавшись друг к другу среди застывшего, неухоженного сада, а от наших ног тонкими нитями разливались яркие фиолетовые ручейки. Они доходили до самых корней корявых, изогнутых яблонь, увешанных наливными плодами.

Я чувствовала, как сердце водника отбивает ритм в унисон с этими светящимися потоками, откликаясь на близость.

Он нехотя оторвался от меня, поглаживая пылающую щеку большим пальцем.

— Я уж решил, что потерял тебя, когда наша связь прервалась.

— Как ты сделал это? Тут ведь было так! Я удивлённо озиралась вокруг, но рубаху купальца отпускать не решалась.

— Безнадёжно? Тоскливо? Мучительно и беспросветно? — подхватил мою мысль Лютояр. — Для духа вроде меня — это не тьма. Старуха сильна, так я сильнее.

Аквамариновый взгляд полыхнул под ресницами, а вслед за ним вновь вспыхнули и остальные светящиеся ручки.

Я рискнула подойти к одной из яблонь, склонившись к уснувшему сучковатому лицу. — Они ведь были людьми?

— Когда-то были красивыми девушками, вроде тебя. — Лютояр небрежно приподнял ближайшую ветку, с которой тотчас осыпалось несколько яблок. — А теперь вот, за прелюбодеяние своё стали дриадами в гиблом саду. И вечно мучиться будут под гнётом плодов своего греха. Пытаться помочь им — потратить время на ветер.

Нежный, перепугавшийся Лют окончательно исчез, уступив законное место самоуверенному, язвительному воднику. Он наподдал носком сапога мерцающий золотом фрукт.

Я с ужасом посмотрела вслед отлетевшему яблоку. — Эти мучения всего лишь за многочисленные связи?

Мой голос сорвался. Если так разобраться, так у нас половина земного шара должна в этом саду сидеть. — Разве честно? Они ж не убийцы какие!

— Так Сварожич порешил. Добрый Бог, отец светлой Правы. Каково, а? — Лютояр криво ухмыльнулся.

Я вздрогнула. По всему выходило не очень милосердно для доброго божества. Желание будить этого самого светлого слегка подувало. Разве что провести после с ним разъяснительную беседу в целях расширения, так сказать, кругозора.

— Гляжу, краса, тоже боишься тут остаться? Вона как встрепенулась.

Лицо водника приняло подозрительное и крайне лукавое выражение.

— Значит, — он медленно приближался, словно хищник на охоте, — там, откуда ты, такая жизнь не порицается?

Он сказал: «там, откуда я». Мне никак не удавалось привыкнуть, что этот подозрительный тип тоже посвящён в тайну моего пребывания здесь. Даже растерялась, размышляя, как реагировать.

Наконец, смело вскинула подбородок и отступила, чтобы при небольшом росте моего нынешнего тела глядеть на водника вровень с собой.

— Порицается, в большинстве случаев. Только каждый всё равно живёт как вздумается, и никто его камнями закидывать не станет.

— А ты что же? Есть за что камень бросить? — Лютояр навис надо мной, своей энергией буквально придавливая к месту. Лицо его стало серьёзным.

Под напором эмоций, волнами исходивших от купальца, очень хотелось быть честной, но я не решалась. Синим чулком я никогда не была и, естественно, за свои годы имела опыт нескольких отношений, но вот стоит ли говорить? Вдруг здесь это тоже грех? Сожрёт ведь и костью не подавится. Вон как смотрит.

Я сглотнула и, выставив впереди себя барьер из ладоней, нагло произнесла:

— Ты же дух волшебный, меня во тьме отыскал, дриад

усмирил. Вот сам и догадайся.

Лютояр отступил, сдавшись и перестав сверлить меня взглядом.

— Если бы не Акулина... — Он многозначительно погладил себя по карману. — Не знаю, чем бы дело кончилось. — Душа родное тело завсегда чувствует.

— Ну, раз ты всё равно уже знаешь, меня Ада зовут. — Зачем-то протянула ему руку. Глупо и официально. Никогда ведь не страдала приступами внезапного слабоумия. Что сейчас-то не так?

Лютояр оценивающе воззрился на сей жест. Усмехнулся. — Очень приятно, Ада.

Затем осторожно приложил мою ладонь к своей на удивление гладкой щеке. Сомкнул веки, прислушался к ощущениям. Густые медные ресницы трепетали.

— Не-ет. Ты не как они. Сердце твоё чистое, аки горлица. Ещё тогда, у костра, я заметил подвох. Акулина ушла одной, а вернулась другой. Сила плескалась внутри тебя. И имя твоё звучит как печать, невольничья, мне на погибель.

От тоски в его голосе у меня самой защемило сердце.

— С чего бы? Ядвия ведь чётко сказала, что ты девичьи сердца ворует, а не я.

— Так и есть, краса, так и есть. Да с тобой всё наизнанку выходит. — Зашептал Лютояр мне в ладонь.

— Вот и второй поцелуй забрал, а легче не стало.

— А сколько надо, чтоб полегчало? — Я с готовностью

бравой пионерки потянулась к нему.

Хитрец лишь рассмеялся, отклоняясь в сторону.

— Э, нет. Чую, тогда ты совсем несчастного водника по мирупустишь. Не готов я пока, краса, приручаться. Но и человеку Векшей посланному тебя не уступлю.

Я фыркнула и вдруг замерла. В плену откровений с Лютояром я совсем забыла о третьем участнике приключений. Велимир сейчас был один и, возможно, подвергался смертельной опасности. Почти родственная тревога за едва знакомого мужчины была сродни безумию, но я всё же поторопила купальца:

— Давай отыщем его, освети весь сад.

— Думаешь, так оно просто? У карги-Ядвии он уже размером с поле.

Велимир слепо взирал сквозь ночную тьму, стараясь отключить привычное сознание и не поддаваться панике. Лисий клык, болтавшийся на шее, потихоньку наливался жаром, предупреждая охотника об опасности.

Нечисть притаилась где-то рядом, трусливо сливаясь с густой темнотой.

Достать бы сейчас серебряный нож или золы щепоть... Но Велимир не решался отвлечься даже на миг.

Коварное нечто ходило совсем близко.

Из непроглядного мрака доносились обрывки голосов, стоны и пение. Оно становилось всё громче и жалобнее.

Словно стайки крупных светляков, то тут, то там вокруг Велимира загорались золотые яблоки.

— Ну конечно! — раздражённо выдохнул Велимир. — Где же мне ещё оказаться, как не в гиблом саду. Отказал в утехах стражу — получай награду. Злодейка старуха наверняка вдоволь посмеялась, разметав нас как котят.

При этих словах в памяти юноши всплыл живой образ, виденный им совсем недавно.

Даже будучи занятой своими переживаниями, в странной нелепой одежде, девушка притягивала внимание, против разума заставляя желать большего. А уж в воображении Велимира, которому почему-то запомнился именно наколдованный хозяйкой избушки морок с томным и нежным взглядом, сидящий на его коленях, девушка была просто ошеломительна.

Юноша с силой потряс головой.

Дрянная баба эта Ядвия, насыпать бы ей соли за шиворот.

Где теперь обретается его видение? Всё ли у неё в порядке? Не крутится ли рядом этот хитрый водник — Лютояр?

Мысли роились, словно пчёлы, жала и кусая сердце изнутри. Велимир шёл наугад, начисто игнорируя протянутые ему золотые плоды и мольбы древесных грешниц.

От наставника он знал, что пытаться срывать их не следует ни в коем случае: страдалицам не поможешь, а себя погубишь.

Тьма неотрывно следовала за ним по пятам, шурша пла-

щом по ветвям.

Останавливаться опасно. Но и идти в никуда — тоже.

Как бы выкроить время, чтобы знаки нарисовать, — бормотал Велимир, ускоряя шаг в намерении оторваться от таинственного преследователя.

Тут его осенила гениальная идея.

Ведь я же в мире духов. Здесь моя сила течёт иначе. А что, если...

Велимир пальцем начертал на ладони руну света, вложив в посыл максимум своей энергии. Ожидаемо она вспыхнула и погасла. Но только для того, чтобы ярко засиять вновь.

Велимир победно улыбнулся и завертелся на месте, освещая пространство вокруг. Никого поблизости не оказалось. Сгорбленные яблони шипели и визжали под белыми лучами, скаля изрытые бороздами девичьи лица.

При взгляде на них Велимира прошибла нездоровая дрожь. Он уже был здесь и видел эти деревья. Их точные копии стояли в деревенском саду Улиты и выглядели для людей как обычные старые яблони. Но чутьё Велимира не обмануть. Не даром он уже тогда брезговал прикасаться к их шершавой коре.

Юноша пятился, настороженно вглядываясь в самые дальние уголки сада.

Надо срочно найти Акулину. Не место ей в этом проклятом рассаднике зла.

Пусть Ядвия её и заколдовала, но суть у девушки преж-

няя, светлая. Это было ясно для Велимира так же, как то, что солнце встаёт на востоке.

Хорошо бы успеть, покуда в беду не попала. От водника, коли он рядом, проку мало: как опасность для своей шкуры почувствует, так и бросит её одну.

Спина Велимира упёрлась в мягкую стенку, обмазанную не то смолой, не то мёдом. С неприятным чавкающим звуком он попробовал высвободить локоть, но не тут-то было. Тело намертво приклеилось к пружинящей поверхности.

Ругаясь на чём свет стоит, юноша попробовал вылезти из испорченного сюртука, но не смог — левый рукав не желал сгибаться.

На плечи ему с тихим смехом легли две белые руки с длинными когтями.

— Добыча сама пришла. Невкусная, но сытная. Человечьим светлым духом смердит. — Ноздри за спиной с отвращением втянули воздух. — И такой сойдёт. Давно Ядвия никого не присылала, на гнилых яблочках только и жива.

Велимир задёргался, как муха, пойманная пауком, ещё не зная, насколько его мысленное сравнение было близко к правде.

На талии и ногах жертвы появились ещё несколько пар таких же бледных рук, споро опутывая его шёлковыми белыми лентами.

— Ужин, ужин! — твердили за спиной.

Что-то массивное перелезло через плечо и пудовой тяже-

стью осело на грудь, заставляя рёбра трещать.

Ужас проник в сердце молодого охотника. Все инструменты в узелке, а тот в кармане. И не пошевелиться, и не спастись.

Зловонная слюна каплями стекала Велимиру на лицо. Беднягу замутило. Раскалившийся амулет грозил прожечь кожу до костей.

Только бы освободить руку. Ну хоть одну!

Он зарычал что есть мочи, силясь в последней, отчаянной попытке поднять ладонь с пальцами, сложенными в особый защитный знак.

Смазанное пятно, ещё более чёрное, чем окружающая тьма, мелькнуло по ветвям. Острая боль в локтях — и вот у Велимира развязаны руки.

Щелчок пальцев — и огненная вспышка вспорола пространство, озаряя всё вокруг мощным потоком света.

Страшное, многорукое создание с паучьим телом и торсом женщины, на котором из одежды были только коралловые бусы, с визгом побежало прочь, по пути сбивая охватившее её пламя.

Велимир упал на влажную голую землю, восстанавливая дыхание. Изодранный в клочья сюртук лохмотьями висел на тугой гигантской паутине, блестящей от влажных подтёков. Что за субстанция покрывала ловушку нечисти, Велимир даже знать не хотел.

— Она скоро вернётся. Ещё более злая и кровожадная.

Женщины не прощают подобное обращение. — Сухо заметил голос сверху. — Ты хоть соли с собой взял?

Велимир поднял голову, прищурившись. На одной из проклятых яблонь, присмиривших пред силой тени, с удобством разместился его наставник. Никакого чёткого силуэта, лишь два совиных жёлтых глаза горят из капюшона плаща.

— Я буду готов. — Прохрипел ученик и закашлялся. — Зачем ты здесь? Как нашёл меня?

Желтоглазый сорвал с ветки ближайшее яблоко и с аппетитом закусил. — Как видно, не справляешься ты один. Амулет твой ярче кометы сияет. Вот и примчался на выручку.

— А Векша знает?

— Векша... — хихикнула тень, смачно жуя. По всему выходило, что здесь он чувствовал себя как дома. — Он-то и справил тебе Вильскую ссылку: старухе Улите пальцем погрозить да народ успокоить. А оно вон как вышло.

— Хочешь сказать, ковен в курсе? — Удивительное открытие заставило брови Велимира поползти вверх.

— Да знают все, следят зорко. На границе всякая ерунда творится. Только послать туда хотели кого поопытнее, кто уж бывал на другой стороне-то, а не адепта зелёного.

— То есть я здесь по краю хожу всякий раз, а ковен просто наблюдает? Как в театре?! — Взорвался Велимир, нервно запустив пальцы в волосы.

— Угу, — ничуть не смутилась тень. — Хочешь уйти, так я похлопочу.

— Ну уж нет. Я своё место теперь никому не уступлю! — Велимир властно поднялся на ноги.

— Ну и дурень. Ради девки жизнь свою разменять хочешь, — тень потянулась за очередным лакомством.

Велимир смутился, но быстро взял себя в руки. — Не в ней дело.

— Ага, в бороде Сварожича да в очах Черноока, — иронично заметил наставник, похрустывая золотыми яблочками. — Ладно, не буду лукавить: выбора у тебя всё равно нет. Замену Векша не прислал, приглядеть за тобой велел, чтобы опыт ты получил настоящий, да не шибко обжёгся.

— Стало быть, со мной отправишься? — Обрадовался Велимир.

— Делать мне боле нечего, — отмахнулась тень.

Заметив поникший вид ученика, она отбросила очередной огрызок и прыгнула на землю. — Да не горюй. Ты ведун способный, может, один на сотню. Плащ свой пожалую тебе. Он от любых глаз укрыть сможет и от дурмана защитит.

Наставник был ниже и меньше своего ученика, и плащ его, по всем законам, не должен был доставать Велимиру даже до колен. Но здесь земная правда не работала, а потому, встряхнув одежду, Велимир закутался в чёрные складки до самых пят и капюшон до верху натянул.

— Спасибо! — От души поблагодарил он, с благоговением оглаживая тонкую струящуюся ткань. Тело тотчас согрелось, идя благодарными мурашками.

— А вот ещё. — Тень сорвала крупное, идеально ровное яблоко. Дунула на золотые бока, заставив контуры фрукта вибрировать и искажаться.

Велимир поднёс второй дар ко рту, но наставник ощутимо шлёпнул его по руке.

— Это не для еды, голова твоя садовая.

В ответ на недоумённый взгляд ученика тень недовольно поджал губы.

— А ну вспоминай, что я тебе прошлой зимой говорил?

Велимир нахмурился. — Много чего. В основе про зеркала, да про блюд

Озарение проступило в карих глазах юноши. — То-то и оно. Надо будет — потрёшь бочок, кликнешь Квилину, поведемся. Только смотри, амулет не снимай: связь с ковром потеряешь и для меня погаснешь.

Тень съёжилась, обратившись крупной совой, щёлкнула клювом, прощаясь.

— Квилину? — Задумчиво пробормотал Велимир, смотря на яблоко. В первые с момента знакомства наставник Велимира вслух произнёс своё собственное имя. И оно оказалось совсем не таким, как ожидал ученик.

— Так ты что же, не мужчина?

Лёгкие перья полоснули его по макушке, срывая капюшон. Из небесной тьмы донёсся летящий смех.

Яркий фиолетовый свет нарастал по углам, концентрируясь в месте, где застыл потрясённый охотник. Огненная

вспышка пролетела над его левым ухом, врезавшись в землю.

— Погоди, это же Велимир!

Хрупкая девичья фигурка повисла на шее. От неожиданности юноша едва не выронил подарок Квилины. Застыл, практически перестав дышать. Руки охотника опустились, медленно сомкнувшись вокруг осиной талии. Девушка казалась крошечной и тёплой.

Велимир счастливо улыбался, покачивая в объятиях кукольный стан.

Он помнил слова Ядвии и тот флакон, что хранил у себя Лютояр. В нежном и хрупком теле Акулины скрывалась чужая и неведомая душа, призванная стражем из будущего или ещё из каких-то неведомых миров, но в эту минуту он решил, что ему всё равно. Странная тёплая нить крепко связала их между собой, не удосужившись объяснить причин. Сейчас важно вернуться домой, а там у них будет время поговорить по душам.

Велимир усмехнулся: в их ситуации эта метафора звучала буквально и реалистично как никогда.

— Если разорить логово пряхи, она вернётся и отомстит. Я дух, мне она ничего не сделает, а тобой человек закусит с удовольствием. — Холодно напомнил Лютояр, перебрасывая в ладонях кусочек багрового пламени.

— Так помоги. — Акулина всем корпусом развернулась к воднику.

Нахал притворно нахмурился. — Не положено, краса. У

нас с ковром давние счёты. Я вас выведу, а он меня солью посыплет?

Тихая ярость закипела внутри Велимира. — Не суди всех по себе. Идём, Акулина, сами дорогу отыщем.

Велимир потянул девушку за собой, но она не сдвинулась с места. — Если знаешь путь, зачем вредничаешь?

Оленьи глаза укоризненно смотрели на Лютояра. Тот неодобрительно поджал губы, закатил глаза. — Под твою ответственность, краса.

Напоследок купалец с явным удовольствием запустил огненный шар в толстое кружево паутины.

Глава 7 Первая потеря

— Видела, краса, как я Пряхины хоромы подпалил? — Лютояр первым шагнул сквозь клубящуюся тьму в ему одному известном направлении, оставляя за собой яркие фиолетовые следы призванной магии.

— Велика доблесть — паутину сжечь. Поглядел бы я, как ты с хозяйкой справишься, — вредно отозвался Велимир, замыкавший шествие. На его ладони тоже тускло светился неведомый мне знак.

Лютояр круто обернулся, злобно прищурил аквамариновые глаза. Губа его приподнялась, выпуская тихий животный рык.

— Не отвлекайся. Не то мы в потёмках до старости блуждать будем, — я мягко развернула его в обратном направлении.

Дико раздражало, когда взрослые люди, поддавшись эмоциям, в самый ответственный момент начинали вести себя как дети. Хотя, собственно, Лютояр человеком-то и не был.

— Зачем блуждать? Вон опушка виднеется, — водник безразлично кивнул в сторону пушистых елей, издали призывно махавших нам лапами.

Велимир за спиной тяжело вздохнул, завозился.

— Не нравится мне здесь. Он достал из-за пазухи свой амулет, железную оправу которого целиком объял яркий

красный жар.

— Есть другой путь? — обратился он к Лютояру, оттягивая жгучий кулон подальше от груди.

Водник задумчиво потёр подбородок. — Можно, конечно, в обход через болота сунуться и в Гнетень-горы с севера зайти, но игрушка твоя и там покоя не даст. Здесь теперь везде Нави след простирается.

Я с сожалением глянула на Велимира. — А снять её совсем нельзя?

Велимир снисходительно улыбнулся, глянув на меня из-под пушистых ресниц. — В том и смысл, Акулина. Эта вещь нас от беды бережёт. Видишь, жар не нарастает — значит, нет тут серьёзной опасности.

На моих глазах амулет разгорелся ещё сильнее, став практически белым. Лицо Велимира вытянулось. Он ошарашенно смотрел на собственный оберег, который, кажется, сошёл с ума.

Лютояр тоже что-то почувствовал. Как большой рыжий пёс, он принюхивался к воздуху — медленно и насторожённо.

— Хорты — упавшим голосом прошептал он, и мне почудились нотки неподдельного страха в его уверенном тембре. Мужчины понимающе переглянулись.

— Волкокрылые — Велимир сглотнул вязкую слюну, опасливо подняв лицо вверх.

Секунды громко капали в темноту, отсчитывая мгновения

до чего-то страшного, необъяснимого.

Тьма беспокойно вздыбилась вокруг нас. Засвистел ледяной ветер. Ели впереди неистово замотали толстыми ветками.

— Снег? — Я изумлённо рассматривала крупную снежинку, упавшую мне на ладонь.

— Черноок знает, что ты здесь. — Из рта Велимира облачком вырывался пар.

Внезапная стужа стремительно брала нас в кольцо.

— Хель, паскуда! — прорычал Лютояр. — Идём сквозь тьму к болотам. Под крылом Ядвии не так просто будет нас достать.

Над нашими головами, с хриплым рыком рассекая чёрный смог, пронеслись гигантские тени.

Мы все как по команде попадали в вязкую сырость. Утробное рычание снижалось, окропляя наши спины зловонной слюной.

Сердце ухнуло вниз, открыв ворота неконтролируемой панике.

Я вскочила и, не помня себя, ринулась в спасительную зелень леса, голося как на пожаре. В голове набатом била одна весома мысль: этого не может быть, не может и всё тут! А значит, никто не причинит мне вреда. Иллюзии не кусают. Цепляясь за эти мысли, как утопающий за соломинку, я летела вперёд что есть мочи. Потому что принять окружающую реальность означало признать, что мой привычный мир, с

его простыми и понятными законами, окончательно остался где-то в прошлой жизни.

— Стой, глупая!

— Акулина, погоди!

Мужчины неслись следом, тяжело прибывая сапогами чавкающую грязь. Даже своими длинными ногами они едва поспевали за моим истерическим бегом. Воистину у страха не только глаза велики, но и стопы быстры.

Странное летучее нечто не заставило себя ждать. Стоило только моим подошвам коснуться земли, не укутанной саваном тьмы, как зимний ветер принялся с силой трепать волосы и одежду, выбивая почву из-под ног. Я боялась поднять голову и узреть то, что с таким воодушевлением загоняло меня, словно ястреб мышь.

— Иллюзии не кусают! — как мантру повторила я, сбавляя ход и гордо становясь посреди поляны.

Одна из теней болезненно царапнула темя, мигом опровергая все мои надежды.

— С ума сошла! — подсечкой Велимир сбил меня с ног.
— Жить надоело?!

Затормозив в клубах еловых игл и пыли, вспоротой его резким движением, Лютояр развернул корпус на сто восемьдесят градусов и, как и тогда на поле, с огромной скоростью принялся расти. Его могучая фигура постепенно оборачивалась огненным вихрем, пожирая выюгу, нежданно явившуюся среди лета.

— Он справится сам! — Велимир с силой прижал меня к себе, укрыв широкой поллой плаща.

Да только наши преследователи тоже были не лыком шиты. Часть из них, бросив атаковать Лютояра, отправилась в погоню.

Макушкой я ощущала, как шуршат наверху гигантские крылья. Звук становился всё ближе и отчётливее. Велимир вдруг с силой дёрнул меня назад, болезненно натянув тонкие завитки волос на шее.

Но возмущаться не пришлось. Прямо перед моим носом гигантская волчья морда выплюнула столп ледяного воздуха, превратив могучий дуб в грудю осколков.

Я испуганно повисла на шее своего спасителя, как гламурная профурсетка, увидевшая мышь.

В острый момент опасности Велимир, которому я практически перекрыла локтем кислород, проявлял истинное благородство. Молча обхватил даму за талию и продолжил путь. Словно сиамские близнецы, неловко спотыкаясь, путаясь в складках общего плаща, сталкиваясь боками, мы насилу развернулись, двинувшись тараном сквозь самую чащобу.

Чудовища не отставали, продолжая изничтожать холодом вековой лес. Только вот по нам попасть никак не выходило.

Велимир тоже заметил сей радостный факт и позволил себе мимолётную улыбку:

— Квилина — умница. Если бы не её плащ, лежать нам тут горсткой ледышек.

— Что ещё за Квил — моё недовольное ворчание оборвалось на полуслове.

— Ложись! — Велимир чувствительно толкнул меня на пружинистый мох и сам навалился сверху.

Я всхлипнула под тяжестью мужского тела. Зажмурилась. Земля дрожала вокруг, огромные узловатые корни выпростали мозолистые щупальца из земли. Извиваясь по-змеиному, они ползли к нам.

Выругавшись, Велимир ещё крепче вдавил мой затылок в землю, с ног до головы укутывая плащом. Второй рукой он силился отыскать в кармане что-нибудь, что усмирит взбунтовавшиеся деревья.

В миллиметре от моего виска ветвистая лапа корней ракетой взмыла в небеса. Послышался визг, и землю окропила синяя густая кровь.

Лес не просто защищался, он принял бой и теперь жаждал мести за гибель своих сородичей. Стволы с треском качались, всё новые и новые корни взрывали землю, безошибочно поражая врага. Хотя последние всё-таки успели превратить порядочное количество деревьев в ледяной прах, сотворив в центре чащи масштабную прогалину.

Я зажмурилась, уткнувшись лицом в твёрдую грудь Велимира, отсчитывая бешеные удары его сердца.

Пока я пряталась в уютном гнёздышке из плаща и крепких мужских рук, снаружи непрерывно выло, визжало и глухо падало на выстланный еловыми иголками ковёр.

Вскоре буря прошла. Всё стихло. Корни молниеносно вернулись на прежние места. Лишь многочисленные осколки льда выдавали битву, произошедшую здесь всего минуту назад.

— Удружили вы мне, привели в древний лес заразу чёрную.

Прямо от дубовой коры отделилась фигура, очертаниями напоминавшая человека, только с очень смуглой и морщинистой кожей. Зелёные глаза ярко флуоресцировали даже при дневном свете.

Я мгновенно узнала длинноносый профиль.

— Архип! — хрипло выдохнули губы. Воздух из сдавленных лёгких выходил с трудом.

Я повернулась к Велимиру и тут же наткнулась на внимательный взгляд. Забывшись, юноша изучал моё лицо, ничего не говоря и не делая попыток поменять положение.

Собравшись с силами, выдавила из себя скупое: — Сейчас задохнусь.

Густо покраснев, Велимир встрепнулся и мигом освободил меня от гнёта его поджарого тела.

Лесное существо улыбнулось корявым разрезом рта и проскрежетало: — Архип — добрый малый, какой год под его личиной в Яви гуляю. Леший я.

— И часто у вас тут циклонные ураганы?

Шок потихоньку отступал, но привычная защитная реакция организма требовала немедленно включить скептика.

— Это всё Хорты. Не было их тут до слияния. Везде Черноок свой след оставил. — Посетовал Леший, со скрипом покачав древесной головой. — Далече путь держите?

— В Гнетень-горы. Знаешь, как туда побыстрее попасть? — с надеждой спросил Велимир.

— Да можно путь сыскать. — Лешак задумчиво поскрёб в затылке, поросшем густой листвой. — А на кой вам туда?

— Много будешь знать — раньше времени затрухлявешь. — Отмахнулся юноша.

Лешак насупленно хлопнул в сучковатые ладони, и ствол ближайшего дуба накренился, открыв под собой проход. — К самому подножию тропка тайная ведёт, а дальше уж сами. Да полезайте живее, пока Волкокрылы не вернулись с подмогой. Весь лес мне перевернут, шиноры.

— Без Лютояра не пойду. Так не честно. — Велимир уже наполовину скрылся в тоннеле под землёй, а я так и осталась стоять, сердито сложив руки на груди.

Юноша замер, устало обернулся ко мне.

— Он сильный дух, Акулина, да и не за ним охотятся прислужники Черноока.

— Не думал, что когда-нибудь скажу такое, но человек прав, краса.

Гордо тряхнув огненной копной волос, из-за покосившихся деревьев на прогалину вышел Лютояр. Живой и не потрепанный. Разве что щёки горят да очи сверкают.

Я неловко потопталась на месте, но обниматься под зор-

ким взглядом Велимира охоты было мало. Будто отец рядом, ей-богу.

— Флакон цел? — чопорно спросила я.

— Э-э, я-то думал, что за меня твоё сердечко ноет, а ты, оказывается, дар Ядвии стережешь. — Лютояр навис надо мной, лукаво заглядывая в глаза. Напряжение былой битвы ещё окутывало широкие плечи, источая флюиды опасной внутренней силы. — Так я, пожалуй, совсем его тебе не отдам. За очи твои лазоревые грех на душу возьму, мне не привыкать.

Я попятилась назад, спиной наткнувшись на плотный ствол дерева. Машинально погладила кору.

— Складно поёшь, а всё равно обещанное исполнишь. — Подал голос леший прямо над моим затылком, одним ударом сломав магию момента.

В очередной раз я отпрянула в сторону, устыдившись неловкого момента. Разумнее всего было сейчас отправиться с Велимиром, но тот, не дожидаясь меня, молча скрылся в тоннеле.

Лютояр скривился. — Чья бы веточка скрипела. Ты сам-то помнишь, какие речи Тёмному пел.

Леший ссутулил острые плечи. — Толку-то, ты всё равно ловчее оказался.

Он метнул в мою сторону тоскливый взгляд и побрёл вслед за охотником.

А меня вновь не покидало чувство, что их диалог был как-

то тесно связан с моим присутствием здесь.

— Что ты обещал? И кому? — Невинно поинтересовалась я у Лютояра, помогавшего мне спускаться по крутому склону тоннеля. Едва мы оказались внизу, корень старого дуба захлопнулся, отсекая нас от внешнего мира.

Глаза Лютояра по-кошачьи мерцали в полумраке. Но даже так я видела, как в их глубине жёсткая сталь сменяется лукавыми искорками.

— Обещал, что тебя, краса, сберегу для дела важного. Вот и от волкокрылов отбил. — Тёплые пальцы нашли мою ладонь, увлекая за собой.

— Так не ты, а леший помог.

Я послушно семенила следом за водником, попутно разглядывая бугристые влажные стены, вылепленные из чернозёма. Орнаментный каркас из множества корней тускло освещали белёсые грибы, тонкими изогнутыми ножками наминавшие стенные канделябры. Плотный влажный воздух тоннеля пропах прелью и плесенью.

— Обижаешь, краса. Основную стаю я на себя оборотил, чтобы вы убежать успели. Их там почитай добрая дюжина слетелась.

— Будто для духа вроде тебя страшны какие-то звери.

— Какие-то не страшны, а прислужники Черноока — даже очень. — Покачал головой Лютояр. — Это порождение самой жуткой чёрной магии и человеческой злобы. Второе усмирить особенно сложно.

— И что им нужно? — с вызовом спросила я у широкой мужской спины.

— А то же, что и всем тут. — Подал голос леший, бесстыдно подслушивавший весь разговор. — Кровь в тебе Живеева. Надобно Чернооку её испытать, чтобы в мир Яви ступить безболезненно. А тому, кто тебя приведёт, Черноок большую награду обещал.

— Помолчи, старая колода, — ошетинился Лютояр. — Один барыш у тебя на уме. Охолонись. Ты свою возможность уже упустил.

— Зато ты — нет, — вредно захихикал лешак.

Лютояр сбился с шага. Развернулся ко мне.

— Не слушай его, краса. Вот Сварожича к жизни вернём, там дальше видно будет, как быть.

— Сварожича? — опять вмешался леший, наострив тонкие уши. — Да кто ж это сказал, что его к жизни вернуть можно?

— Ядвия и сказала, — выдала я с потрохами стражницу.

— Сказки то, — отмахнулся Леший корявой ладонью.

Не выдержав, я громко расхохоталась.

— Сказки? Слышать подобное от фольклорного персонажа вдвойне нелепо. Весь мир ваш — одна сплошная фантазия и небылица.

До зубовного скрежета хотелось объяснить всё происходящее чем-нибудь рациональным. В первую очередь себе, чтобы не сойти с ума. Но, кажется, своим пренебрежитель-

ным мнением я перегнула палку. В звенящей тишине Лютояр с силой прижал меня к себе, склонившись к самому уху.

— Поделись, краса, в какой из фантазий тебя так целовали?

Его голос пробирался сквозь тонкие волоски, обвивавшие мочку. Я замерла, сразу не найдясь что сказать. Воображение неумолимо рисовало передо мной сочные фрагменты нашей близости в саду Ядвии.

— То-то и оно, — довольный собой, Лютояр распрямился.

Леший наблюдал за нами, приоткрыв в изумлении щербатый рот.

— Учись, колода, как девиц обхаживать. Может, в следующий праздник и тебе свезёт. — Водник со смехом хлопнул его по плечу.

Ещё немного, и у меня от злости и унижения пар повалит из ушей. Никогда не считала себя жертвой мужского пикапа. Я всегда сама контролировала собственные эмоции и, трезво оценив обстановку, решала, что делать и что говорить. А этот водник одним искусным словом ломал железобетонный каркас моих убеждений и принципов, прагматично выстраиваемых годами. День за днём, блок за блоком.

Самый лучший способ не поддаваться на провокацию и привести растрёпанные чувства в порядок — перейти от личного сразу к делу.

— Уж не знаю, правда или нет, только Ядвия нам всё

подробно обсказала и гребень мой заколдовала, чтобы Бога вернуть.

Леший покосился на пояс моих брюк, где уже на привычном месте торчала зубастая пасть гребешка.

— Вижу, что не простая вещица, от неё жизнью за много вёрст пышет. Да только сорока на хвосте принесла, что не просто так Сварожич в сон глубокий погрузился. Черноок его искру забрал да на мелкие осколки разрубил. И полетели эти осколки далече. Без них отца нашего не оживишь.

— А где искать их? — Свинцовый шар разочарования осел в груди. Получается, Ядвия нас обманула? Или мы чего-то не поняли? Волна холодной ярости поднялась во мне.

Конец всей этой безумной одиссеи был так близок, и вот опять новые нюансы.

— Да кто ж знает, да и были ли они вообще — неведомо. — Леший пожал плечами.

А я чуть не зарыдала в голос. На плечи тут же легла заботливая рука Лютояра.

— Ты коли помочь ничем не можешь, так и помалкивай.

— А я разве не помог? Что знал, рассказал. Вы лучше, как на свет подымитесь, у гмуров спросите. Они эту дорожку рыли, от сердца леса до старой кузни. Да и в Гнетень-горах они свои. Может, что и видели. Сильно Черноок земли наши мытарит. Коли вы его усмирите да в Навь отправите, вам все только спасибо скажут. Ну, кроме этих.

Лёгкий кивок в сторону Лютояра. Тот тихо зашипел, не

оставшись в долгу.

— Идём с нами. Вместе порядок в мире вашем восстановим. — Я тронула хозяина леса за плечо.

Он отрицательно затряс головой. — Мне свои владения покидать нельзя, иначе Черноок древний бор с землёй сравняет, а так у нас плохонький, но мир. Хотя волю я его не выполнил.

Он с сожалением оглядел меня с ног до головы. — В отличие от некоторых.

Мы некоторое время внимательно изучали друг друга. До меня наконец дошёл смысл их шпионских перепалок.

Гневный, предательский огонь вспыхнул в груди, опалая до самого горла. Я прикрыла глаза, не давая буре эмоций разойтись по венам и добраться до сердца.

Велимир невозмутимо ждал нас на другом конце тоннеля, задумчиво ковыряя земляной пол носком сапога. Завидев нас, он недовольно поджал губы и отвернулся.

— Идите прямиком по тропке, до низинки, там гмуры притаились.

Леший в очередной раз с треском хлопнул в ладоши, и над нашими головами разверзлась рваная дыра, больше похожая на нору.

Всё так же молча Велимир вылез наружу. Подал мне руку. Замыкал процессию Лютояр.

Не позволив мне и шагу ступить, он развернул меня к себе, обеспокоенно заглядывая в глаза.

— От тебя, краса, бурей за версту разит. Случилось чего?

— Случилось. — Я громко скрежетнула зубами. — Предатель у нас случился.

Мои последние слова породили напряжённую тишину. Даже Велимир резко остановился, обернувшись.

— О чём толкуешь, краса? — Голос Лютояра скатился до тихой угрозы.

Велимир в несколько широких шагов оказался рядом, настороженно следя за реакцией водника.

— Что тебе Черноок обещал, если меня к нему приведёшь? — В лоб спросила я, сложив руки на груди. — Скажешь — всё ложь?

Уголок чувственных губ дёрнулся, Лютояр отвёл взгляд. — Не скажу. Верно ты всё поняла. Обещался я Тёмному.

От подобной наглости у меня аж дух захватило. Ведь я успела проникнуться к этому мерзавцу, практически впустила в душу, а он нагадил прямо посередине, да ещё сапогами растоптал.

Я сжала трясущиеся руки в кулаки. — Ты хуже любой нежити! Ты... ты...

От ярости я не могла подобрать эпитеты, достаточно описывающие прегрешение Лютояра.

— Козёл! — наконец выпалила я, сама не ожидая, что первое всего мой мозг воспроизведёт такое банальное и заезженное ругательство.

Лютояр моргнул. Брови Велимира поползли вверх.

— Придурок! Лицемер! Я тут в вашем бредовом мире совсем одна, а ты воспользовался, втёрся в доверие!

От эмоций я даже несколько раз топнула ногой, а потом зарядила воднику смачную оплеуху.

Тот ухмыльнулся, растирая место удара. — Вижу, краса, слушать ты меня сейчас не станешь.

— Обойдётся, продажная шкура! — Я занесла руку для второй пощёчины, но Лютояр ловко перехватил моё запястье.

— Смотри, краса, не пожалей.

— Уходи! Уходи прочь!

Дважды водника просить не пришлось. Одарил меня скорбным взглядом и исчез, оставив после себя лишь аромат утренней росы и терпкой влажности речного тумана с тоненькой, едва уловимой ноткой белых полевых цветов.

Этот запах проникал под кожу, окутывал все органы чувств, заставлял сердце быстрее и ритмичнее выбивать дробь: ду-ра, ду-ра.

Моя знаменитая вспыльчивость не раз играла со мной злую шутку. Благодаря ей я не единожды теряла друзей, вылетала с подработок, не получала зачёты автоматом. Но впервые мне было настолько больно, что даже слёзы не шли.

Первые вспышки эмоций угасли, обнажив дно, полное разумных мыслей. Наверное, всё-таки стоило выслушать Лютояра. Дать ему шанс объясниться. Вдруг всё не так, как кажется со стороны. Однако сделанного не воротишь.

— Идём. — Мой безжизненный голос обратился к Велимиру. Слава богу, он не додумался меня утешать. Просто молчаливой тенью следовал рядом.

Глава 8 Вечный страж

Молчаливой траурной процессией мы шли по извилистой тропке вдоль мощных скалистых стен. Своё название горы полностью оправдывали, тяжёлыми сводами нависая над нами. В привычном мире подобные экземпляры не встречались, и, дабы перебить свинцовые думы о Лютояре и его предательстве, я принялась с преувеличенным интересом разглядывать чёрный дикий камень.

Его шероховатая, растрескавшаяся поверхность напоминала застывшую лаву, в какой-то момент поднявшуюся мощными волнами к небу, да так и застывшую разномастными гребнями, не дойдя до цели.

Велимир заметил мой интерес и тоже провёл кончиками пальцев по удивительной горной породе.

— Скажи честно, на самом деле здесь спящие вулканы? — предположила я самую простую и логически обоснованную версию.

— Отнюдь. — Велимир покачал головой. — Легенда гласит, что от начала времён на земле сей царила вечная ночь. И в этой тьме, россыпью углей, пылали красные глаза чудовища о пяти головах. Говорят, оно стояло здесь стеной, разделяя миры и напутствуя души.

— Монстр-смотритель, занимавший должность Ядвии. — Улыбнулась я, переводя на более понятный мне, бытовой

язык.

— Можно и так сказать. — Велимир стойко перенёс моё вмешательство в рассказ, хотя по застывшему лицу было видно: он не любил, когда его перебивали.

— Боги не хотели, чтобы какой-то зверь, пусть и мудрый, занимал границу. Они считали, что высшие сущи, вроде них, достойны сами распоряжаться судьбами душ и жаждали лично назначать стражей, верных им одним. Не таких могучих и головастых. — Теперь уже улыбнулся сам рассказчик, но из простенького каламбура я выросла ещё на первых годах обучения в университете.

Так что разрядить атмосферу снова не вышло. Игла, вышивавшая полотно нашей общей истории, в который раз запнулась, сделав кривой стежок. Велимир тоже заметил искру неловкого напряжения и поспешил продолжить, уже без тени веселья.

— Естественно, древнее существо было не согласно с таким положением дел и не захотело уступать. Когда боги попытались изничтожить его силой, оно ревело так, что содрогалась земля, а из всех пяти пастей били гневные потоки пламени. Горячие струи стекали по скалам, обжигая всё на своём пути. Со временем они застыли, превратившись в каменные волны. — Вот откуда взялись Гнетень-горы. Они — последний след древнего разума.

— А что же сам зверь?

С энтузиазмом профессионального палеонтолога я всмат-

ривалась в черноту горного бока, надеясь отыскать среди калейдоскопа сколов и трещин доказательства жизни древнего существа и его борьбы. Может, хотя бы след от когтей остался. Но ничего даже отдалённо похожего не нашлось.

— Считается, что превратился в камень. Где-то глубоко внизу, у самых истоков Гнетень-гор, покоятся его останки.

Мой спутник огляделся, проверяя, не сбились ли мы с пути за время беседы. Своим серьёзным выражением он напомнил мне одноклассника, который после каждого верного ответа сидел с таким важным видом, будто только что получил Нобелевскую премию.

— Спорю на свой гребешок, ты был отличником в школе.

Велимир смерил меня насмешливым взглядом. — Я не спорю с барышнями. Но в любом случае ты бы проиграла: я не ходил в школу. Моя семья вполне могла позволить себе выписать достойных учителей к нам домой.

— Бедняга. — От души посочувствовала я. — Для меня это самые солнечные годы. У нас был очень дружный класс.

Мужчина остановился, даже развернуться всем корпусом не поленился. — В школе? — загадочно уточнил он, уперев руку в камень над моей головой.

Я растерянно кивнула.

— В вашей деревне нет школы, Акулина. — Мягко напомнил он, нависая.

Я быстро отвела взгляд, понимая, что снова распустила язык и прокололась.

Велимир не стал более ходить вокруг да около и ударил прямо в десятку.

— Я не дурак, Акулина, и не слепой. С момента нашей первой встречи ты ведёшь себя странно и совсем не похожа на девушку, описанную мне твоими односельчанами. Я знал, что Ядвия хочет поговорить с тобой без лишних ушей, и притворился спящим, насколько хватило сил. Яблоки у неё и правда чудодейственные.

Я съёжилась, понимая, к чему он клонит.

— Не бойся, ты ни в чём не виновата. Я завёл разговор не для того, чтобы казнить. Надоело строить из себя простачка.

Я упрямо хранила молчание, не зная, с чего начать. Велимир твёрдо решил форсировать события.

— Объясни. Я ведь хочу помочь.

— Это сложно. Я даже не знаю, как толком объяснить произошедшее.

— Тогда позволь начать мне. Ради своих целей Ядвия заколдовала тебя, призвав чужие воспоминания и черты характера, несвойственные тебе изначально. В итоге она деформировала, я бы даже сказал, покалечила твою истинную сущность. — Гневно выплюнул Велимир, с силой сжав кулак над моей головой.

Я опасливо покосилась на крепкую руку с побелевшими костяшками пальцев. Велимир заметил это и тут же отошёл.

— В библиотеке Ковена есть несколько книг об этом. Такие действия незаконны. Как только мы выберемся, я непре-

менно сообщу об этом братьям из Тени и, уж поверь, добьюсь, чтобы старуху судили по Кодексу Слова и Силы.

Мне оставалось только наблюдать с открытым ртом за горячим проявлением юношеского максимализма. Даже в самом страшном сне я не могла представить, что кто-то может так сложно воспринять вещи, которые на самом деле были куда как проще. Стоп. Это я сейчас подмену душ в ранг банальностей возвела? Кажется, обживаюсь в этом странном месте.

Нервный смешок слетел с моих губ.

— Это преступление против человека, и в нём нет ничего весёлого.

Я успокаивающе коснулась плеча разгорячённого Велимира. Он замер, напряжённо разглядывая мою руку.

— Не надо никуда сообщать. Меня несколько не беспокоит новая ипостась. Давай просто отыщем путь домой, для начала.

Немного успокоившись, Велимир кивнул.

Мне не хотелось делиться с этим мужчиной жуткой правдой о подмене личностей. Это всё равно что рассказывать отцу или старшему брату о своих подростковых приключениях: понять не поймёт, но по шапке получают все. Интересно, это потому, что он мой предок или просто зануда? Я подавила очередную ухмылку.

Не знаю, почему я так беспечно относилась к колдовству Ядвии, сотворённому над нами с Акулиной. Может, потому

что знала, что могу закончить это всё в любой момент, надо только

Реальность снежной лавиной обрушилась на моё сознание. Я резко встала как вкопанная. Лютояра-то я прогнала, да только вместе с ним ушла и душа настоящей Акулины, спящая в сосуде. Если верить Ядвии, вернуться я теперь не могла.

В порыве чувств я резко хлопнула себя по лбу.

Теперь настала очередь Велимира мягко и осторожно отводить мою руку в сторону. — Прости, если напугал тебя своими доводами.

В ответ я усиленно жевала губу, пытаюсь удержать подступившие слёзы отчаяния.

Можно сколько угодно бравировать и прятаться за свой скептицизм, но настоящее творилось здесь и сейчас, а я своей собственной глупостью завела всё дело в тупик, по сути погубив две невинные жизни. Свою и ещё Акулины.

Крупные капли упали на мужскую ладонь, державшую меня за запястье. Велимир тут же попятился, явно не зная, как быть. — Акулина, не плачь, пожалуйста. Хочешь, я один поищу спуск, а ты тут посиди? Или хочешь?.. Добуду воды или

— Для начала зови меня Ада, так мне привычней. — Я шмыгнула носом. — И доводы твои тут ни при чём. Лютояр... он унес с собой очень важную для меня вещь. Практически роковую. — Поспешила я отвлечь мужчину, который в панике, кажется, готов был вот-вот сигануть с вершины этих

самых гор. Настолько его выбивали из колеи женские слёзы. Подобную реакцию мне ранее доводилось видеть только в мыльных сериалах.

— Мы обязательно его найдём! — горячо пообещал Велимир и запнулся на полуслове. — Ада. — Наконец неуверенно произнёс он.

Я хмыкнула, покачав головой. Отметив, что из его уст, в отличие от водника, моё имя звучало как обзывательство.

— Это нерациональная трата сил и времени. Он здесь у себя дома, в отличие от нас. Давай лучше сосредоточимся на задании Ядвии, а там будь что будет. — Я обречённо махнула рукой и зашагала дальше.

Даже если мне больше никогда не суждено увидеть бабушку и маму, потискать пушистого Антипку и сходить вечером в кино, то хотя бы Велимир действительно возвратится домой. Может быть, со временем я даже смогу полюбить его, и нашему роду не будет грозить забвение.

Под тяжкий вздох я по-женски оценивающе оглядела своего спутника.

Смутившись, Велимир ссутулился, опустив глаза.

— Не Ален Делон. — Пробормотала я себе под нос. — У того глаза и фигура как у чёртова водника! — раздражённо скрипнула зубами.

— Прости, я не расслышал. — Хмурый Велимир услужливо помог мне преодолеть горный выступ.

— Не обращай внимания, это нервное.

Велимир покосился на меня подозрительным взглядом, наверное, прикидывая, могло ли заклятие Ядвии затронуть не только характер, но и мозг. Затем обратил моё внимание на пейзаж внизу.

По ту сторону открывалась чудесная долина, заросшая пёстрыми полевыми цветами и с высоты очень напоминающая расписной ковёр. Люпины и маки чувствовали себя здесь настолько вольготно, что практически скрыли под собой тропинку, мощённую диким булыжником. Извиваясь, она вела напрямик к пузатому, почти игрушечному домику, уютившемуся под ветвями пушистой сосны.

Своей кукольностью он напомнил мне игровой теремок в детском саду, куда я ходила с трёх лет. Однако, в отличие от свежеекрашенного детсадовского строения, местный домик был возрастным и уставшим. Каждый камушек в стене будто был предан забвению и, казалось, давно уж спал беспробудным сном. Много лет не топлённая уличная печь зияла чёрным провалом горнила. На кузнечных мехах с удобством разместилось целое семейство пауков. Крыша из натурального мха побурела и заросла сорняком, в окнах не было даже намёка на тёплый, уютный свет.

— Обычно гмуры не покидают насиженных мест. — Велимир, идя за мной по пятам, приближался к обиталищу загадочных гмуров. На подступах к крыльцу он резко обогнал меня, легко переставив себе за спину. — Лучше сначала я.

С первого раза войти не удалось. Дом явно не хотел пус-

кать чужаков.

Велимир ещё раз налёг на кольцо, заменявшее ручку, что-то бормоча. С протяжным стоном растворилась дверь. На нас пахнуло нежилым холодом брошенного помещения.

Чтобы попасть внутрь, даже с небольшим ростом Акулины пришлось пригнуться, а Велимиру так и вообще сложиться в три погибели.

На первом этаже оказалась старая кузня. Погасший горн и наковальню покрывал толстый слой чёрной пыли вперемешку с сухими листьями. Ряды заржавевших молотов и клещей разных форм и размеров облепила плотная паутина.

— Что за жилище карликов? — проворчала я, на полусогнутых пробираясь вглубь. Половицы под сапогами протяжно скрипнули.

— Гмуров. — Флегматично поправил Велимир, сейчас больше похожий на гигантский знак вопроса, чем на статного молодца. Он поднял ладони, знакомясь с чуждым пространством. В помещении не было ветра, но чёрные волосы и полы плаща охотника нетерпеливо трепетали в предвкушении волшебства.

— Спасибо за содержательный ответ. — От моего спутника сейчас исходила такая сила, что я решила не попадать под её мощные потоки, а начать собственный осмотр.

Гусиным шагом я добралась до массивного верстака, заваленного кучей железных обломков и заготовок. Глядя на разбросанные куски металла вперемешку с инструментами, ме-

ня не покидало ощущение, что хозяйева кузни буквально убежали прочь, в одночасье сорвавшись с места. Что за страшная сила напугала мастеров, я даже боялась предположить.

Напротив висели тяжёлые меха, сейчас развёрнутые в сторону от горна. А прямо над ними — кованый пояс искусной работы. Мне захотелось рассмотреть его ближе. Затёкшие ноги не соглашались распрямляться даже на миллиметр без посторонней помощи.

Без задней мысли я подкралась и с силой повисла на ручке. Меха сложились со свистом, выпуская резкий, таранный поток воздуха. Он врезался в стену над верстаком, подняв клубы пыли и копоты, а я завалилась на спину.

Сделав вид, что всего лишь поднимаю упавший гребень и не имею к произведённому шуму никакого отношения, на четвереньках отползла в сторонку. Чихая и кашляя от расстроенной пыли, я уцепилась за верстак и подтянулась. Да так и замерла, глотая летучую взвесь перед чумазой стеной. Сквозь смазанную копоть на ней проступили контуры рисунков, более всего напоминающих собой комикс или житие святых.

— Ада, я же просил ничего не трогать без меня. — Велимир твёрдой походкой направлялся ко мне. Присел рядом, словно ребёнка отряхивая от сора.

— Смотри, что тут!

Не заботясь о чистоте, я голыми руками расчистила стену. Из-за обилия рваных и ломаных линий я бы назвала рисунки

детскими, но сюжет был далёк от ребячьих грёз.

На первой картинке пятеро маленьких бородатых старичков обжигали клинки в пламени огромного многоголового змея. Импровизированная печь услужливо раскрывала пасти, зажмурился от усердия глаза.

На второй всё те же старички боязливо выглядывали из своего домика под сосной, наблюдая за битвой двух мужчин с полезным в хозяйстве змеем. Следующая зарисовка показывала, как наши бородатые герои стоят под дождём из комет или камней — по гротескным формам сложно было определить, — ловя их кружками, надетыми на собственные остроконечные колпачки. Далее картинки рассказали о том, как из добытых камней старички создали уникальные артефакты: зеркальце, пояс, топор, гребень и меч.

— Авторы, скорее всего, сами гмуры, обитавшие здесь.
— Подтвердил мои догадки Велимир, проведя пальцем по ветхому камню.

— А что они делают? — Я то так, то эдак склоняла голову, ища в нестройных каракулях ответы.

Велимир пожал плечами. — Гмуры любят зарисовывать любые события из быта и жизни. Даже незначительные.

Я ухмыльнулась, едва не ляпнув, что гмуры чем-то похожи на блогеров из моего мира.

— Опасности нет, мы здесь одни. — Озвучил свой вердикт Велимир, в последний раз обводя кузню внимательным взглядом.

Я небрежно кивнула, заинтригованная рисунком с кометами и огнями, он казался мне каким-то неправильным, незаконченным.

— Не знаю, как ты, Ада, но я нормально не спал с того момента, как заехал в Выль. Предлагаю, как следует отдохнуть. — Велимир смешивал на ладони содержимое двух тряпичных мешочков. Пёстрый чёрно-белый песок ловко просочился сквозь его пальцы. Не вставая, охотник круто развернулся по часовой стрелке, формируя на пыльном полу тонкий круг.

— От всякой мелкой нежити помогает. — Объяснил он, подталкивая в центр мешок с углём.

— А от крупной что же? — ехидно поинтересовалась я, наблюдая, как Велимир устраивается на ночлег. Угольные осколки рассыпчато шуршали под его спиной.

— От крупной — амулет и скрывающий плащ. — Невозможно отозвался он, распахивая своё одеяние в приглашающем жесте. — Не сочти за оскорбление, Ада, но так теплее и безопаснее.

Всякий раз, когда он вставлял в речь моё имя, я невольно морщилась, как от горькой пилюли. Никогда бы не подумала, что кто-то может произносить его так хлётко и едко. Надо было оставаться для него Акулиной.

Вздыхнув, я опустилась рядом с Велимиром и осторожно пристроила голову на крепкое мужское плечо. Мышцы благодарно застонали, когда я наконец-то распрямила напря-

жённую спину и ноги. Тяжёлая ткань плаща мгновенно укутала меня с ног до макушки. Стало тепло и уютно, почти как в детстве, когда бабушка подтыкала под ноги и спину пуховое одеяло.

Я придвинулась теснее, прижимаясь. Дыхание мужчины сбилось. Он замер. Секунды поползли как сонные мухи. Смутившись, я решила дезертировать на исходные позиции, но сильные руки удержали за талию, пригвоздив к месту.

— Не егози. — Спокойно посоветовал Велимир.

Я угукнула в ответ что-то глухое и невзрачное.

В ответ засуетился сам хозяин плаща. Его рука нащупала мою ладонь, бережно сжав пальцы. — Всё будет хорошо, Ада.

Так мы и уснули в магическом круге, словно пара птенцов или котят, нашедших живое тепло под ледяным дождём обстоятельств. Безмятежно и глубоко, совершенно не подозревая о том, что происходит вокруг.

В порыве злости и отчаяния Лютояр вихрем пролетел Гнетень-горы, растревожил Белое озеро, подняв стену воды, расчертил бороздами поле. Он искал Хеля. Мерзавец должен был ответить за то, что суёт свой точёный нос куда не следует. Но паскудник как сквозь землю провалился. Небось притаился под крылом Черноока. Чужал, гад, что стоит мне до него добраться — ему не соборовать, придётся держать ответ за то, что донёс на нас Тёмному.

От гнева пальцы Лютояра сжались крепче, и флакон за-

трещал. Водник рассеянно поглядел на него, и чёрный тоскливый ил покрыл диковинное сердце духа.

Рассерженная Ада велела ему удалиться, совершенно не подумав, что теперь не сможет попасть домой. Наверное, это хорошо: не придётся придумывать причину, чтобы удержать девушку. С другой стороны, поступить так с ней — несправедливо.

Она должна сама сделать свой выбор. И я обеспечу ей условия, во что бы то ни стало. — Оправдывал себя Лютояр, тихой тенью следуя за путниками вдоль горной гряды. Кукольное личико Ады было невесёлым. Она беседовала с охотником на разные темы, то и дело хмурия высокий чистый лоб, и Лютояру до дрожи хотелось верить, что причиной её плохого настроения является он. Ведь нет ничего хуже забвения и безразличия.

Подбираясь к месту ночлега Ады и Велимира, Лютояр был одержим благородной целью: — Верну флакон и тут же испарюсь.

Высший дух знал себе цену и умел отвечать за принятые им решения, а потому умолять о прощении никого не собирався. Он просто поступал по справедливости — дурацкая часть его натуры, которую ему никак не удавалось изжить.

Тёмные окна кузни слепо глядели в ночную тьму. Осторожно забравшись сквозь узкое окно, Лютояр огляделся. Смешные люди исследовали помещение. Охотник даже пытался поставить защиту — тонкую и нелепую, с которой и

шишига справится. Ближайшая стена была небрежно расчищена, обнажая творчество гмугов.

Лютотяр усмехнулся. — Значит, искали ответы и не найдя

Пронзающий тьму взгляд наткнулся на пару человеческих тел, уютно спящих под чёрным плотным плащом.

Волна непривычной, удушающей ревности прокатилась по телу водника, болезненным импульсом отдаваясь в груди и пробуждая его самую древнюю и демоническую суть, мелкими обсидиановыми чешуйками разошедшуюся по телу.

Словно почувствовав его присутствие, девушка слабо пошевелилась. Аккуратные губы приоткрылись:

— Лют... а у гмугов огоньки некрасивые, на камни похоже.

В один миг Лютотяр передумал разбирать кузню по камню, погребя под ней ненавистную парочку. Щемящая нежность потеснила злобу. Она думала о нём, хотела поделиться тем, что тревожит. Не с кем-нибудь, а именно с ним.

Лютотяр задумался. «Огоньки у гмугов». Взгляд метнулся к рисункам, и водник всё понял.

С лёгкостью преодолев границу круга, Лютотяр опустился рядом с Адой, невесомо заправил за ухо прядь смоляных волос и зашептал, невзначай касаясь губами розового ушка: — Ты умная девочка, краса, но не дошла до сути, совсем чуть-чуть. Картина с огоньками имеет продолжение, просто сотри оставшуюся пыль и узришь истину.

Пора было уходить, но эгоистичный дух не смог отказать

себе в удовольствии коснуться губами девичьей щеки, а затем и виска.

Шум, донёсшийся с улицы, заставил водника оторваться от приятного занятия и насторожиться. Шуршало всё ближе, и, опасаясь за сон и безопасность обитателей кузни, Лютояр вышел в колючий ночной туман.

Ну так и есть, тащится злыдень. Кривыми ногами перебирает, свиным рылом землю подметает. Много их в Гнетень-горах водилось. Этот, видно, голодный, учуял запах человеческой плоти. А может, и Черноок послал, на разведку.

Лютояр притаился за сосной.

Тощая плешивая нежить, похрюкивая от предвкушения трапезы, пробиралась по дорожке. Тонкий лысый хвост, как флаг, торчал среди люпинов.

Вот показалась крысиная голова с круглым пяточком, обнюхивая крыльцо. Когтистые корявые пальцы царапнули дверь, подцепляя железное кольцо.

Купалец двигался с текучей грацией прирождённого хищника. Чёткий, быстрый выпад — и пальцы водника сжали цыплячье горло.

Нежить даже хрюкнуть не успела, превратившись в горстку сырого пепла.

Лютояр брезгливо разжал пальцы и вновь посмотрел на спящих. Никто из них даже не шелохнулся.

Их гармоничный ночной союз и безмятежность напомнили купальцу о том, насколько проще быть обычным челове-

ком. Таким же, как Ада, и дарить ей тепло и заботу. Их виды одинаковы, мысли и понимание мира наверняка тоже. По крайней мере, Велимир ничем не запятнал себя перед девушкой.

Вновь чувствуя гнев, Лютояр коснулся проступившей чешуйчатой полоски у себя на шее. Приступ глубокой ненависти и презрения к себе ударил в самое сердце.

— Вечный изгой, способный любить лишь из тени, вот кто ты! — зло прошептал Лютояр. — И ты сам в этом виноват. Отдай что собирался и уходи.

Купалец взглянул на флакон, в котором душа Акулины пульсировала слабым ритмичным светом, чувствуя близость родного тела. Сейчас на его ладони лежало всё будущее Ады, и лишь от него зависело, каким оно будет.

Глубоко вздохнув, Лютояр произнёс сам себе:

— Прости, краса. Не могу я так просто отпустить. С этим мальчишкой ты пропадёшь.

Хищно улыбнувшись, водник отступил в густой серый туман. Разбитый, но верный страж, который следует за ней не только в недра Гнетень-гор, но и к самым вратам Нави.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.